

Оленева Екатерина

ТАК СТАНОВЯТСЯ

звёздами 2

Так становятся звёздами

Екатерина Оленева

Так становятся звёздами 2

«Автор»

2018

Оленева Е.

Так становятся звёздами 2 / Е. Оленева — «Автор», 2018 — (Так становятся звёздами)

Юная, неискушённая Гаитэ попадает в бурный водоворот дворцовых интриг. Император отравлен, братья Фальконэ вновь готовы обнажить сталь друг против друга. За одним из них стоит право первородства, за другим – неукротимый дух и неумение сдаваться. Оба готовы идти до конца, невзирая на последствия и цену, лишь бы заполучить трон и любимую женщину. Но чью сторону выбрать ей, чтобы сохранить шаткое равновесие и мир? Чтобы в водовороте страстей не потерять самого главного – себя.

© Оленева Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Екатерина Оленева

Так становятся звёздами 2

Глава 1

Свадьба – финал большинства сказок. То, что следует за ней, мало кому интересно. Муж и жена, связанные неразрывными узами, в восьмидесяти случаях из ста напоминают двух скорпионов, заключённых в одну банку.

Правда, в случае с Гаитэ и Торном банка оказалась достаточно просторной, чтобы им не сталкиваться слишком часто.

После свадьбы из императорского дворца молодожёны сразу же перебрались в личный дворец Торна. Запустение и бесхозность поджидали здесь Гаитэ с первых шагов. Сквозь мозаику плит во дворе пробивалась трава, из просевших дверей клочьями вываливалось сухое и трухлявое сено. Штукатурка сыпалась со стен, в некоторых окнах не было стёкол.

Дворец нуждался в ремонте, но, кажется никого, кроме новой госпожи, это не беспокоило. Челядинцы, столпившиеся вокруг, выглядели довольными и счастливыми и радостно гомонили, приветствуя возвращение господ.

Придерживая шлейф, Гаитэ поднялась по широкой лестнице с каменными быками, к широким дверям. За ними открывалась галерея с круглыми колонками, соединёнными наверху пологими арками со старинной каменной резьбой.

За галереей находился большой зал. Залитый потоками света, вливавшегося через большие окна, он казался пустынным.

Полы покрывали гладко отполированные белые плиты, но огромный камин давно не чистили, на потолочных балках чернела копоть, а на панелях и жирандолях белели, как сталактиты, наросты из воска.

Пустота – ни мебели, ни ковров, но Гаитэ решила не унывать. То, что хозяйственным Торна не назовёшь, она поняла давно и была полна решимости превратить запущенный замок, больше напоминающий берлогу зверя, в уютный и гостеприимный дом.

Торн не мешал молодой жене поступать по своему усмотрению и не стеснял в средствах. Окрылённая новыми возможностями и перспективами, Гаитэ распорядилась закупить у городских торговцев ковры, перины, постельное бельё, полсотни серебряных канделябров, мебель. По её приказу верный Кристоф нанял стекольщиков, столяров, резчиков по дереву, каменщиков.

Поднявшись на второй этаж, она обнаружила, что спальня обставлена гораздо лучше, чем общие залы. Было видно, что ими часто пользовались. Здесь стояли резные скамьи, круглый столик на массивной подставке, напольные вазы-амфоры.

Центром, безусловно, являлась кровать из чёрного дерева. Необъятное ложе покоилось на деревянных фамильных быках и было окружено полированной балюстрадой. Панели, окружающие ложе, украшали рельефы с изображением листьев и винограда.

– Как находишь мой дворец? – с улыбкой поинтересовался Торн, обнимая молодую жену со спины и глядя на её отражение в зеркале поверх её плеча.

– Думаю, – с улыбкой отозвалась Гаитэ, – что пока он мало походит на уютное гнездышко, – она сжала руку Торна в своей маленькой ладошке. – Господь избрал вас, муж мой, для особенной участи. Придёт время, и вы станете управлять империей! Поэтому ваш дворец должен быть вас достоин.

– Вот как?

– Император без дворца – это не император! – смеясь, договорила Гаитэ. – Я давно мечтаю о рае – семейном рае. И хочу выстроить его по моему вкусу.

– Делай, как хочешь, любимая! – подхватил Торн Гаитэ на руки, укладывая на огромную кровать.

То была незабываемая ночь – ночь из тех, о которых мечтаешь и потом вспоминаешь долго-долго. Они упивались друг другом, жадно ловили капли наслаждения и неги.

Утро Гаитэ встретила в отличном настроении, была полна энергией. Памятуя о том, что у хорошей хозяйки всё начинается с кухни, она лично нанесла туда визит и осталась довольна ревизией. Если большая часть дворцовых покоев пребывала в запустении, то кладовые и закрома ломились от изобилия. Всё здесь содержалось в образцовом порядке. Повар знал своё дело.

Первые дни в новом доме прошли шумно, беспокойно, суетливо, но весело. Слышался стук молотков, клубилась пыль. Стены покрывались слоями извёстки. Гаитэ в простом шерстяном платье и переднике сама следила за всеми приготовлениями, переделками и ремонтом.

Мало-помалу дворец наполнялся чудесной мебелью, инкрустированной серебром или позолоченным орнаментом, массивными настенными подсвечниками из чистого золота. Стены украшались гобеленами с искусно вытканными сценами охоты, фресками, шпалерами, драпировками.

По утрам вместе с Торном они отправлялись на соколиную охоту. Охотничьим азартом, в отличие от мужа, Гаитэ не страдала, но ей нравилось совершенствоваться в верховой езде, с которой она совсем недавно освоилась.

Поскольку за охотой к ним зачастую присоединялся кто-то из мелкой знати, под конец во дворец возвращалась довольно шумная кавалькада. По вечерам, когда стояла хорошая погода, во дворцовом парке играли в кегли или шары, иногда – в жмурки. Одному из играющих завязывали глаза чёрной лентой, и он должен был кого-нибудь поймать. Обязательным условием игры являлся поцелуй.

Гаитэ, как по своему положению, так и по характеру не была склонна участвовать в столь легкомысленных развлечениях. Она обычно сидела на высоком стуле и слушала лютниста, пощипывающего струны у её ног.

Её нейтральное отношение к игре изменилось, когда водить пришлось Катарине Калуччо. Лукавая, если не сказать, коварная фрейлина, направилась прямо к Торну, делая вид, что это чистая случайность. Тот не слишком сильно увёртывался и скоро оказался в ловушке девичьих рук.

Играющие с шумным хохотом требовали поцелуя.

Гаитэ едва не задохнулась от злости и ревности, когда Катарина подставила её мужу улыбающиеся губы, а Торн жадно впился в них, словно изнывал от страсти.

Кто-то отводил смущенно глаза, кто-то хихикал, кто-то бросал в сторону Гаитэ взгляды – любопытные, злорадствующие, сочувственные. Все в равной степени унижительные.

Чтобы не было причиной такого поведения Торна, оно было оскорбительно! И оскорбление это было неожиданным в столь же равной степени, как и незаслуженным.

Гаитэ в первый момент растерялась, не зная, что делать. Но, в любом случае, сносить прилюдное оскорбление, пусть и замаскированное игрой, она не собиралась.

Передав поднос с кусочками яблочного пирога, которым лакомилась, поднялась и направилась в замковый сад. Она надеялась, что Торн, заметив её отсутствие, поспешит догнать и исправить ошибку, как-то загладив случившееся или, хотя бы, принесёт извинения. Но, кажется, ничего подобного он делать не собирался. Что тому было причиной, слишком ли сильное увлечение молоденькой фрейлиной или то, что он попросту не осознавал вины – неизвестно, но настроение было испорчено.

Кликнув Кристофера Гаитэ вышла из дворца через боковую калитку и направилась к реке.

Верный слуга следовал за ней, как тень. Он обладал удивительной способностью, был ненавязчивым и надёжным. Гаитэ чувствовала себя в его присутствии спокойно.

Расстелив свой плащ на траве, она устроилась на склоне холма, намереваясь наблюдать за заходом солнца.

Вечер был удивительно тих. Небо сделалось зеленовато-лиловым. Над городом, лежащем чуть поодаль, розовели последние отблески заката, в его лучах кровли домов напоминали темнеющие стога. Над водой клубился лёгкий туман. В камышах у реки горланили лягушки.

Одиночество Гаитэ было недолгим. Хотя последней, кого она хотела бы сейчас увидеть, была её мать, именно она решила составить ей компанию.

Стелла по приказу Алонсона последовала за дочерью с зятем в новый дворец. Подразумевалось, что она будет тут на положении необъявленной пленницы. Впрочем, Гаитэ делала всё от неё зависящее, чтобы матери было комфортно, всё же отношения у них были натянутые. Обе держали нейтралитет, придерживались дипломатической линии, встречаясь лишь на людях и разговаривая на нейтральные темы.

– Гаитэ, не время и место сейчас выказывать гнев и ревность, – подсев рядом, сказала Стелла. – Ссоры не принесут добра, лишь настроят Фальконэ против тебя. А тебя нет выбора, кроме как терпеть выходки мужа.

– В этой жизни выбор есть всегда, другое дело, что не у всех есть желание этим воспользоваться. Всегда проще придумать себе бессилие.

– Благоразумие всегда было твоим коньком. Оно и в этот раз уж точно тебе не навредит. Ну же? Ты же понимаешь, что произошедшее чистый вздор? Торн предан тебе. Всем очевидно, что он глаз с тебя не сводит. Спешит выполнить любую твою прихоть.

– И готов целоваться с первой же поманившей его вертихвосткой у всех на виду. Боюсь, матушка, с таким мужчиной, как мой муж, мне ничто не поможет.

Стелла засмеялась:

– О чём тебе беспокоиться? На земле нет мужчины, который смог бы пройти мимо моей дочери.

Гаитэ в задумчивости теребила пучок сухой травы, прислушиваясь к весёлому гуду из дворца.

– Послушай, прими совет женщины, повидавшей на этом свете вдвое больше тебя, Гаитэ. Не следует идти наперекор такому мужчине, как Торн. Ты этим ничего не добьёшься. Нужно искать окольные пути. В душе можешь не смиряться, но играй роль покорной жены иначе потеряешь всё.

– Всё – это возможность дорваться до власти?

– Счастья с Торном тебе всё равно не достичь. А вот власти с его помощью добиться можно, – равнодушно пожала плечами Стелла.

Гаитэ почувствовала, как у неё болезненно сжимается горло.

– Довольно, матушка! К чему все эти разговоры? Оставим их.

– Оставим, – со странной лёгкостью согласилась Стелла.

В сгущающихся сумерках волосы матери мерцали светлым пятном. При воспоминании о поцелуях Торна с той фрейлиной Гаитэ вновь захлёстывал гнев.

Играть роль покорной супруги? Да как бы не так! Если до Торна у неё руки коротки дотянуться, то эта-то девушка у неё в услужении? И за своб выходку она заплатит.

– У тебя есть новости о Сезаре Фальконэ? – вопрос матери прозвучал внезапно.

– Нет, – нахмурилась Гаитэ. – Почему вы заговорили о нём?

– Я слышала, битва у Тиоса начнётся со дня на день.

Это известие заставило Гаитэ протяжно вздохнуть.

Мать продолжала:

– Если победит король Руал, станет уже неважно, что думает Алонсон и кого целует Торн. Сезар будет мёртв. А мы, Рэйвы, так или иначе, по-прежнему останемся хозяевами своих земель.

– Вы до сих пор лелеете надежды на падение Фальконэ? – яростно повернулась Гаитэ к матери.

В сгустившихся сумерках, в полусвете, она с трудом могла разглядеть лицо Стеллы.

– Но почему вы упрямо держите сторону наших врагов?

– Я не держу сторону врагов или друзей. Я всегда держу лишь свою собственную сторону. И тебя пытаюсь научить тому же. Да видимо, поздно!

– Вы же не можете не понимать, что не всё так просто! Как вы можете так легко говорить о смерти Сезара? О падении Торна? Если хоть один из двух братьев умрёт, я буду вечно об этом жалеть, но мои чувства – разве они когда-нибудь хоть что-то для вас значили?

– Ты женщина из дома Рэйвов! – властно проговорила Стелла. – Ты живёшь в стране, разделённой на двое. Ты не смеешь влюбляться в наследников Алонсона! Если это только не принесёт тебе выгоду.

Смотреть на мать с ненавистью не имело смысла. Темнота сведёт на нет все усилия.

– Твоя жизнь не может быть лёгкой, Гаитэ. Тебе страшно? Конечно же, страшно, – невесело усмехнулась Стелла. – Ведь в тебе течёт настоящая королевская кровь. А если бы этот мир способен бы был заговорить, чтобы преподать людям урок, он заключался бы в том, что с королями происходят ужасные вещи. Тебе придётся пройти через кровь и познать утраты. Ты должна быть сильной.

– Такого счастья вы мне желаете, матушка? Ну, спасибо! – порывисто поднялась с места Гаитэ. – Довольно с меня ваших уроков! Я – не вы! Я не жажду власти.

– Ты моей крови, – бросила ей в спину Стелла. – В своё время ты это узнаешь.

Но Гаитэ больше её не слушала. Откровенно говоря, речь матери пугала, сбивала с толку.

Гаитэ не хотела больше разрываться, пугаться, метаться или сомневаться. Её устраивал тот маленький мирок, что удалось выстроить во дворце, отгородившись высокими стенами.

Пусть вдалеке грохочет гром, может быть страшен кошмар, да милостив бог? Может быть, всё уляжется? И, прости Добрые духи, но сейчас её куда больше заботит Катарина Калуччо, чем очередные интриги в попытках завладеть престолом.

Когда Гаитэ поднялась в спальню, оказалось, что Торн уже ждёт её.

– Выглядишь замёрзшей.

Сбросив плащ на пол, не отрывая взгляда от его тигриных, опаловых глаз, Гаитэ медленно приблизилась.

– Гаитэ? – негромко, словно чеканя каждое слово, проговорил Торн.

Гаитэ поняла, что он тоже злится.

– Что-то не так? Ты не здорова?

– Не здорова? – вскинула брови Гаитэ. – Ты, не стесняясь, прилюдно целуешь другую женщину и, как ни в чём не бывало, приходишь ко мне в спальню за ласками? И спрашиваешь, здорова ли я? Нет, Торн, я не здорова. Моё сердце разрывается, от боли и обиды. Разве я в чём-то проявила неуважение к тебе? Была с тобой непочтительна или холодна? По какому праву ты оскорбил меня сегодня? Почему думаешь, что я стану с этим мириться?

Торн глядел на ней в растерянности и вдруг, откинув голову, принялся хохотать.

– Гаитэ, любовь моя! Сколько драмы из-за простой игры!

– Я не понимаю таких игр, Торн. Уверена, поменяйся мы местами, тебе бы они тоже не пришлись по вкусу.

– Не выставляй себя на посмешище. Кажется, ты не в себе Гаитэ, не пытайся испытывать моё терпение.

– Нет, это не ты испытывай моё терпение, Торн! И не надейся, что обретёшь во мне одну из тех безвольных, покорных мужу женщин, что скорее рабыни, чем спутницы. Нет! Я пойду ради тебя на всё и всё снесу: клевету, опасности, ссылку. Моя преданность, моя верность, моя жизнь могут принадлежать тебе и только тебе одному. Но в ответ мне нужна твоя любовь, Торн.

– Моя любовь и так принадлежит тебе. Разве тебе это неизвестно?

– Докажи это.

Торн нахмурился:

– Чего ты хочешь?

– Подвергни дерзкую девчонку ссылке. Покажи всем, чем может вылиться желание вбить клин между нами.

Гаитэ с холодной яростью увидела, как взбугрились желваки под кожей скул, а блеск в глазах Торна сделался нестерпим.

– Гаитэ, довольно этой чуши. Я не стану выбрасывать девчонку из дворца из-за шалости.

– Шалости?! Скажи, зачем в этом дворце фрейлины? Чтобы служить мне? Или ублажать тебя?

– Гаитэ...

– Отвечай!

– Ты прекрасно знаешь ответ.

– Либо эта девица покинет дворец завтра, либо я.

– Гаитэ, берегись! Ты уже переступила опасную черту.

– Плевала я на твои опасные черты! Переступала и переступать их буду! – сорвалась на крик потерявшая над собой контроль Гаитэ. – Самым дорогим я ни с кем не делюсь. И, если я решу уйти, ничто и никто меня не удержит – ни стража, ни страх, ни обычаи, ни даже данные клятвы! Так что решай, кто из нас уйдёт – эта женщина или я?

Торн повёл плечом:

– Успокойся. То, что произошло, не стоит гневных слов или слёз. Я и подумать не мог, что ты всё так воспримешь.

– Ты удалишь эту женщину от моего двора или нет? – стояла на своём Гаитэ.

Торн какое-то время задумчиво глядел на неё, потом пошёл на попятный:

– Возможно, девушка действительно перегнула палку. Её выходка была неуместной, – нехотя признал он.

– Выходка? Я считаю это недопустимой дерзостью.

– Хорошо. Можешь объявить девушке о том, что отказываешь ей от места. Ты в своем праве это сделать. Ты вправе сделать всё, что пожелаешь, моя дорогая жёнушка, – с улыбкой договорил Торн, заключая Гаитэ в объятия. – Не надо волноваться по пустякам и вести разговоры о разлуке. Обещай мне?

– Обещаю, – улыбнулась Гаитэ, потянувшись к нему за поцелуем.

Его губы были мягкими, а руки чуткими, нежными.

Привычным жестом он освободился от одежды, помогая и Гаитэ обрести свободу от пышного тяжёлого платья. Расплетая паутину шнуровок, миллиметр за миллиметром спуская лиф с плеч, покрывая поцелуями нежную, белую, как атлас, чувствительную к прикосновениям, кожу.

Она отдавалась ласкам, отвечая на поцелуи. Словно вплаваясь каждой клеточкой тела в его плоть – грудь к груди, дыхание к дыханию, ладонь к ладони.

Дыхание с каждым движением становилось отрывистой и короче, судорожной и прерывистой. Они плыли к волшебным берегам любви до тех пор, пока не достигли самой острой её вершины, чтобы обессиленными и в то же время счастливыми не упасть рядом, всё ещё крепко держась за руки.

Лежа в объятиях Торна, прислушиваясь к его выравнивающемуся дыханию, Гаитэ не могла не задумываться о том, что будет дальше. Кто из них раньше смирится с преобладающей волей другого? В глубине души она не могла не осознавать, что кажущаяся лёгкость победы обманчива. Им предстоит долгая борьба. И вся сложность её в том, что Гаитэ намерена бороться не с Торном, а за него – за его улучшенную версию самого себя. Но есть ли у неё шанс?

А где-то там, далеко-далеко находится человек, о котором она всеми силами души старалась не думать. Того, кто так и остался для неё сумеречной тайной.

Сезар Фальконэ. Самая глубокая рана в душе. Несбывшаяся мечта, искушение из ада. Одно его имя заставляло на глаза наворачиваться слёзы.

Но о чём плакать? Жизнь всё расставила по местам. Она жена Торна, а у Сезара, как она слышала, есть новая любовница. Как и Гаитэ, девушка знатного рода. Прославленная красавица.

Смешно ведь было думать, что он будет помнить её дольше мгновения. Зачем ему это?

Гаитэ не стала тянуть с выполнением решения. В послеобеденное время, когда слуги суетились, убирая со столов, она знаком велела Катарине приблизиться.

– Сеньорита Калуччо? – с каменным лицом произнесла она. – Хочу сообщить вам, что больше не нуждаюсь в ваших услугах. Вы можете покинуть двор.

– Но, Ваша Светлость, почему меня отсылают? Разве я в чём-то провинилась? – дерзко выставила подбородок опальная фрейлина.

Чёрные глаза с откровенным вызовом смотрела на Гаитэ.

– Вы мне не нравитесь, – сказано было с ледяной учтивостью. – А я хочу видеть при своём дворе лишь приятные *мне* лица.

Среди фрейлин раздались смешки. Судя по выражению их лиц, не только Гаитэ наглая девица перешла дорогу.

Девушки с интересом наблюдали за перепалкой и явно болели за госпожу, надеясь, что та поставит нахалку на место.

– Не смею вас больше задерживать, – кивнула Гаитэ. – Можете собирать вещи сейчас. Если вам потребуются рекомендательные письма, обратитесь к секретарю. Ему дано распоряжение оформить все надлежащие к случаю бумаги.

Хорошенькое личико фрейлины перекошилось от злости. Она продолжала стоять, с ненавистью глядя на Гаитэ.

– Что-то ещё?

– Его Светлость знает о том, что вы отправляете меня в ссылку?

В зале стало так тихо, что муха пролетит – услышишь.

Гаитэ медленно поднялась со стула на котором сидела и спустилась по ступенькам, приближаясь к зарвавшейся девице.

– Хочешь, чтобы все здесь услышали, за что тебя высылают из дворца? – вскинула она голову, останавливаясь рядом с ненавистной фрейлиной. – Мне не понравилось твоё легкомысленное поведение. Я не одобряю фривольного и безответственного поведения.

– Ваша Светлость...

– Говори – госпожа! – прикрикнула на неё Гаитэ.

Девушка сменилась с лица и опустила голову, но промолчала.

– Сейчас же убирайся, – велела ей Гаитэ.

Девушка продолжала стоять, глядя на Гаитэ с вызовом.

– Ты не поняла? – повысила она голос, теряя терпение. – Вон!

Привыкшие к ровному, даже ласковому, обхождению госпожи, фрейлины затихли, как вспугнутая стая птичек.

Девушка всё ещё ждала, что кто-то вступится, но всё молчали. Ей не оставалось ничего другого, как покинуть зал.

Гаитэ торжествовала. Она чувствовала себя победительницей. Очень приятное чувство.

Недовольное выражение лица Стеллы вновь заставило закипеть в сердце не до конца остывший гнев.

– Судя по всему, вы не одобряете моего поведения, матушка?

– Не одобряю.

– Мне не привыкать. Это обычное положение вещей. Но мне всё же любопытно, что конкретно вызвало ваше неудовольствие?

– Ты нажила себе врага – раз. Показала свою слабость – два. Глупо действовать на эмоциях.

– Глупо, знаю. Но чертовски приятно.

– Осторожнее, Гаитэ. Ты ещё даже не приблизилась к власти, а уже начинаешь злоупотреблять ею.

– Я никому не позволю перейти мне дорогу, матушка. Особенно когда дело касается моих мужчин. Я не могу контролировать Торна, но я могу запугать этих глупых куриц в достаточной мере, чтобы заставить их со мной считаться.

– Вряд ли. Возможно, твоё послание дошло до адресата. А возможно, что и нет, – пожала плечами Стелла, надкусывая пирожное. – Но забавно наблюдать иногда метаморфозы, происходящие с людьми. Пожалуй, самое интересное в мире зрелище.

Намёк матери Гаитэ отлично поняла, и он ей не понравился.

Глава 2

– Что там такое? Что происходит? – поинтересовалась Гаитэ, различив характерные звуки, влетающие в распахнутые окна – бряцание металла, щелчки подков по плитам, громкие голоса.

Подойдя к окну, она увидела въезжающую во двор карету и по гербам узнала экипаж принцессы Эффидель. Рыжая лисичка следовала первой, а её свита, не отставая ни на шаг, двигалась за ней.

Гаитэ была искренне рада визиту новой родственницы.

– Приятно видеть тебя, дорогая, – расцеловала она Эффи в обе щёки. – Очень рада, что ты решила нанести мне визит.

– Мне было любопытно узнать, как ты устроишься на новом месте, – простодушно заявила Эффи. – Ты, конечно, не в курсе, но всем известно, что хозяин из Торна не самый лучший и дворец, пожалованный ему отцом, несмотря на всё его богатство, пребывает в ужасном запустении.

– Я справлюсь, – улыбнулась Гаитэ. – Подобные хлопоты доставляют лишь удовольствие.

– Понимаю. Приятно иметь собственное хозяйство и управляться им по своему усмотрению.

Эффидель как бы между прочим увлекла Гаитэ в оконную нишу, подальше от любопытных глаз и ушей.

В окно ворвался порыв ветра, раскидав занавески.

– В Жютене слухи расходятся быстро, так что сплетни о том, как ты выгнала фрейлину уже пошли ходить по городу.

– Ты меня осуждаешь? – удивилась Гаитэ.

– Осуждаю? Нет! Я тобой восхищаюсь! На самом деле, я на стороне любого, если он стоит против Торна.

– И в мыслях не было. И с чего ты так не любишь старшего брата?

– Все, кто близко сталкивался с Торном, имеют основания его не любить. А после новости, которую я тебе привезла, ты тоже вряд ли будешь относиться к нему с теплом.

– Тогда оставь свои новости при себе, – нахмурилась Гаитэ.

– Не оставлю. Не хочу, чтобы ты выставляла себя на посмешище. Да и ссора с тобой Торну будет как нож в сердце, а мне любое его расстройство в радость.

– Не собираюсь я ссориться с мужем. Ты не устаёшь меня удивлять.

– Хотелось бы приятно, но – увы! – вздохнула Эффи, передёргивая округлым плечиком. – В общем, ты совершенно напрасно выгнала Катарину. Она лишь ширма, должна была отвлекать внимание от другой девушки и, судя по всему, успешно с этим справилась. Взгляни туда. Осторожней, как бы невзначай.

Гаитэ, проследив за взглядом Эффи, увидела высокую статную красавицу, с блестящими чёрными глазами, пышным нимбом волос, отливающих в медь, полногрудую и чувственную, обжигающую страстью словно огонь.

– Её зовут Азина Солеро. У них с Торном давняя связь. Брат вынужден был прервать её, когда Азино отдали замуж за графа Солеро и тот увёз жену в поместье. Но недавно старый граф скоростижно скончался, а его вдова тут же поспешила пребыть ко двору.

– И всё это правда?

– Чистейшая. Впрочем, можешь мне не верить, если не хочешь.

– Ну, почему же? Я верю. Однако эта связь всё в прошлом. В то, что Торн может возобновить старые отношения я не верю.

– Скорее всего, брат и сам не знал о прибытии Азино, внезапно согласилась Эффи. – Штат подбирал его секретарь, а не брат. Но будь начеку. Старая любовь не забывается, – предупредила Эффи.

– Спасибо за вести, пусть и недобрые, но принесённые с благими намерениями.

– Кто предупреждён – тот вооружён, – подытожила Лисичка.

Какое-то время девушки молчали, погружённые каждая в свои мысли.

– Отец недавно получил известия от Сезара. А я подслушала и не нахожу себе места, – кусая губы, проговорила Эффи. – Мне нужно поделиться хоть с кем-то, кому на брата не наплевать.

Это «наплевать» резануло слух. Неправильное выражение для императорской дочери.

– Пять дней назад король Линтон Руал высадился у местечка неподалёку от Тиоса.

Зрачки Гаитэ расшились:

– О, духи! Значит, снова будет война? – Ей хотелось сжать ладонями пылающее виски. – И что же Сезар?..

– Сезар ничего не мог сделать, чтобы помешать высадке войск Валькары. В тот день на море разыгралась страшная буря, разогнавшая не только сторожевые суда, но даже мелкие рыбацкие лодки. Ветер и дождь заставлял прятаться по углам сторожевые дозоры.

– Врагу не помешали?

– Нет, – опустила руки Эффи. – Напротив, в чём-то буря помогла нашим противникам, разъединив суда их флотилий, благодаря чему высадка произошла на разных участках побережья и войска Сезара попали в двухвостку.

– Мы потерпели поражение?

– Отбились, но изрядно измотаны. Сезар требует подкрепления, а у отца нет возможностей хоть чем-то ему помочь. Казна пуста.

«Сезар предвидел всё это заранее, ещё около двух месяцев назад», – вспомнила Гаитэ. – «И, к сожалению, не ошибся».

Что же теперь будет?

В зал вместе с другими фрейлинами вошла Катарина. Она выглядела притихшей и глаза у девушки были красные, опухшие от слёз.

– Это она? Та самая роковая метресса, из-за которой ты утратила своё прославленное самообладание? – насмешливо фыркнула Эффидель. – Девушка явно не из родовитых. Конечно же то, что ты отказала ей от места, для неё личная трагедия. При дворе можно надеяться хоть на какую-нибудь партию, а в той глуши, куда ей придётся вернуться, ей светит разве что какой-нибудь младший сын сквайра?

– Ах, какая жалость! – с сарказмом протянула Гаитэ. – Возможно, бедняжке при таком плачевном состоянии нужно было намечать жертвы пониже рангом, чем мой муж?

– Возможно, ты слишком серьёзно восприняла то, что воспринимать всерьёз не следовало? – пожала обнажёнными плечами Эффи.

– Вероятно это так, раз все мне только об этом и твердят. Давай немного пройдемся? Погуляем в саду. Здесь воздух какой-то... слишком спёртый.

Новость, принесённая Эффи, Гаитэ расстроила. Сезар, где-то там, один, отбивается от бешеной своры иноземцев, не подпуская войну к их порогу, чтобы они здесь могли танцевать, менять наряды, переживать из-за возможного романа мужа с очередной любовницей.

Эффидель не стала дожидаться возвращения Торна, она упорхнула через одну калитку, как только нелюбимый её брат появился в другой.

Гаитэ пожалела, что не сможет сделать то же самое. Торн был не в духе. Наверняка известие о нападении Валькары уже достигло и его слуха.

– Уже знаешь? – хмуро буркнул он, подходя к столу и наливая из кувшина полный кубок вина, игнорируя недовольный взгляд Гаитэ. – Наверняка, знаешь. Мне доложили о том, что к тебе приезжала Эффи. Как сорока на хвосте, принесла новую сплетню?

– Если ты о высадке войск валькарийцев в Тиосе, то да, я в курсе.

– В последнее время мы не были добрыми соседями, но никто не думал, что Руал поднимет против нас армию. Сейчас вся надежда только на Сезара. Но где гарантия, что он нас не предаст?

– Он так не поступит, – возмутилась Гаитэ.

– Почему? В прошлый же раз женился на сестре Руала против воли отца. А сейчас, если валькариец пообещает ему мой трон, почему бы Сезару и не переметнуться?

– Если бы Сезар планировал нас предать, он бы не требовал подкреплений для дальнейших сражений. У нас сейчас совсем другая беда – этого подкрепления взять неоткуда.

– О, духи, Гаитэ! Не думаешь же ты, что в этом деле разбираешься лучше меня? Поверь, гораздо проще, чем вести войны, переманить к себе противника. И король Руал рассуждать будет именно так. Не забывай, официально Сезар женат на его, и королю Валькары гораздо приятней будет видеть на троне Сезара, чем меня. Если наследников у Сезара не окажется (а, учитывая склонности его дражайшей супруги к девочкам, откуда им взяться?) Линтон сможет со временем претендовать на трон Саркассора.

– Думаю, тебе не о чём волноваться. Вряд ли Сезар разделяет планы Руала, даже если последний их и вынашивает.

– Я не верю, что Сезар останется мне верен.

– Духи, Торн! Существует же не только ты один. Есть ещё семья, есть государство. Твой брат не настолько беспринципен, чтобы предать всё, чем дорожит. И вообще, пока твой отец жив, разговоры о престолонаследии вести рано. Это почти измена. Лучше успокойся. Следует думать совсем о другом.

– А о чём же, по-твоему, мне следует думать? – с иронией спросил он, вновь потянувшись за кувшином.

– Перестань, пожалуйста, пить. Сейчас как никогда, требуется твердость и трезвость мышления. Нам нужно войско. И деньги. Не исключено, что тебе придётся выдвинуться на восток, к морю, на помощь брату.

– Мне?!

– Да, тебе! Нужно собрать войско и раз и навсегда уничтожить осиное гнездо ещё до того, как они начнут наползать на наши земли, словно саранча. Помнишь, что говорил ваш отец? Вы должны быть едины – два солнца над Саркоссором.

– Ты согласишься отпустить меня на войну? – усмехнулся Торн, прищурившись глядя на жену. – Не боишься за мою жизнь, женщина?

– Погибнуть можно везде. И чем топить жизнь в вине, лучше использовать её с пользой и славой. Я не хочу, чтобы люди говорили, будто победой мы целиком и полностью обязаны Сезару. Одним титулом править не получится. Тебе нужна реальная власть. А её не получишь на блюдечке с голубой кайомочкой.

– Да, власть – это женщина. Её нужно суметь добиться. В твоих речах есть смысл. Завтра отправимся к отцу и обсудим всё с ним. А пока – иди ко мне, дорогая жёнушка и я в очередной раз докажу, какой желанной ты можешь быть.

– Почти такой же, как власть?

– Желанней, – притянул её к себе Торн. – Тебе ли бояться какой-то жалкой фрейлины? При дворе и так все знают, что я безумно влюблён в мою прекрасную колдунью, что она полностью завладела моим сердцем.

Гаитэ натянуто улыбнулась, прилагая титанические усилия, чтобы не заговорить об Азино. Не хотелось затевать очередную перепалку, а этим бы неизменно всё закончилось.

Нет, не стоит упоминать о прошлом. Может быть, тогда оно, как сорная трава, не прорастёт в будущее?

В чём-то Торн прав. Они проводили в опочивальне столько времени, что придворным не оставалось ничего другого, как перемигиваться и шушукаться. Большую часть времени Торн выглядел утомлённым и счастливым, и все ожидали со дня на день известие о том, что герцогиня понесла. А Гаитэ каждый месяц с затаённым облегчением убеждалась, что пока этого не произошло.

Хотя, чем тут радоваться? Долг королевы родить наследников своему королю. Так почему одна мысль о возможности появления ребёнка на свет пугала её до оторопи? Кто-то, кто будет зависеть от тебя столь полно, с кем ты будешь связан столь тесно? Нет, Гаитэ не желала стать матерью. По крайней мере, пока.

Когда Торн заснул, она долго глядела прямо перед собой застывшим пустым взглядом.

Последние месяцы она только и делала, что пыталась примириться с окружающей её действительностью. Игра в счастливую супругу ужасно выматывала. На самом деле Гаитэ не была ни спокойна, ни довольна, ни, тем более, счастлива.

Когда она была обычной девушкой из толпы, никому не было до неё дела, но теперь, чтобы она не делала, куда бы ни шла, на неё устремлялось тысячу любопытных взглядов. Каждое слово становилось поводом для тысячи пересудов.

На актёра, играющего на сцене, публика любит час-два, от силы. На королей же взоры подданных глядеть не устают никогда. Ты всегда должен быть эталоном, примером для подражания, небожителем, не имеющим право на ошибку.

Но Гаитэ никогда не считала себя какой-то особенной. Ей было в тягость её положение.

На следующий день, как и было договорено, отправились в императорский дворец.

Там всегда было шумно. К Его Величеству всегда прибывали люди, и все, начиная от посыльных до нищенствующих младших братьев в захудалых саркассорских родах, толпились в просторных залах.

Несмотря на уже преклонные годы, Алонсон прекрасно справлялся с делами. Он всегда был собран, внимателен, скор в принятии решений и редко отказывал кому-либо в аудиенции, неважно, кто добивался встречи, лорд, духовное лицо или мелкий сквайр из отдалённых поместий. Никто не мог сказать, что Его Величество их не выслушал.

Эта повседневная рутина была для императора столь же любимым занятием, как фехтование или соколиная охота для его сыновей.

Встретив сына и невестку, Алонсон предпочёл уединиться с ними в личном кабинете.

– Я ждал тебя ещё вчера, – сухо вато заметил Алонсон, недоброжелательно касаясь на Гаитэ. – Думал, ты приедешь один и мы сможем поговорить о делах.

– Отец, Гаитэ моя жена и у меня нет от неё секретов. Она в курсе происходящего и, заметьте, вовсе не от меня – от Эффи. Вертихвостка слишком много болтает.

– Все вы слишком много болтаете, – угрюмо отозвался Алонсон.

– Что ходить вокруг да около, подбирая выражения, отец? – пожал плечами Торн. – Дела идут хуже некуда.

– Тут ты ошибаешься, мой мальчик. Пока ты жив, в любом момент плохое положение вещей может сделаться ещё хуже.

– Оптимистично, нечего сказать! – фыркнул Торн, остановившись у камина и уставившись в огонь. – Ещё каких-то полгода назад можно было с уверенностью сказать, что трон наш прочен, как никогда. А сегодня мы можем потерять и власть, и королевство, и даже саму жизнь. А Сезар только тем и занят, что старается занять моё место – в вашем сердце, в сердце моей жены, на троне!

Алонсон устало поморщился:

– Прошу тебя, сын мой, не начиная старую песню снова. Нас это изрядно утомляет. Присядьте, – веле Алансон Гаитэ.

Она покорно села.

– Что касается ваших обвинений, сын мой, – продолжил император, – спешу напомнить, что мы верим вашему брату, который нам такой же сын, как и вы. Сейчас Сезар не подпускает войну к нашему порогу. Если он потерпит поражения, вражеские войска просочатся вглубь страны и тогда беды, настоящей беды, боюсь, не миновать. Нужно придумать, где взять деньги. Мы должны помочь нашему маршалу деньгами и оружием.

– Отец, возможно, будет лучше, если я сам отправлюсь в непокорные графства, чтобы усмирить их?

– Этого не требуется. Мы не можем допустить, чтобы оба наших сыновей подвергались смертельной опасности. Если вы оба займётесь внешними врагами, наши внутренние враги, словно волки, накинутся со всех сторон. Сезар будет охранять рубежи Саркоссора, а ты, Торн, будешь хранить его изнутри. Но, чтобы справиться со всем этим, необходимо пополнить казну. А как это сделать? Из-за прошлогоднего неурожая лорды отказались платить пошину, простолудины выжиты до предела.

– Возможно, стоит уменьшить вес монеты? – выступила с предложением Гаитэ.

Торн фыркнул, насмешливо глянув на жену:

– Я и не знал, что ты что-то понимаешь в делах монетного двора, моя милая.

Алонсон нетерпеливо дёрнул плечом:

– Невозможно! Это может вызвать взрыв недовольства.

– Ну, всегда приходится чем-то жертвовать, – с философским видом пожал плечами Торн. – Может попробовать ввести налог на вывоз шерсти?

– Сделано трижды, – отмахнулся Алонсон.

– Тогда разрешите иностранным гильдиям торговать в Жютене и других крупных городах Саркоссора, – выступила Гаитэ с новым предложением.

– А что скажут наши купцы? – приподнял брови Торн.

– Они ничего не посмеют сказать, если их устраивают те налоги, что существуют на сегодняшний день, – отозвалась Гаитэ. – А ещё можно попробовать продавать титулы мелкопоместным дворянам и младшим сыновьям.

Торн с возмущением поглядел на Гаитэ:

– Правду говорят, что у женщин долгий волос и короткий ум! Гаитэ! Как можно озвучить такие святотатственные речи? Ты предлагаешь смешать благородную реку крови с грязью?

– Эта ваша благородная река обмелела – дно видно. К тому же, либо пятно на роду, либо – враг у ворот. А нам и вовсе на руку всё это смешение, с учетом того, в чём упрекают род Фальконэ. Титулы можно продать за хорошие деньги, а казна стоит того, чтобы кто-то мог свой гонор и поубавить. И уж лучше продажа титулов, чем сдирать последнюю кожу с бедняков.

– Гаитэ, то, что ты говоришь ерунда...

– Во все нет, – перебил в задумчивости Алонсон. – Я нахожу предложением юной сеньоры разумным. Мы как следует обдумаем его и, возможно, претворим в жизнь.

Гаитэ счастливо улыбнулась, очень довольная собой.

– Духи послали тебе рассудительную супругу, – улыбнулся Алонсон сыну.

– Я счастливейший из смертных, – в свой черёд улыбнулся Торн. – Думаю, следует выпить за принятое решение? Эй, человек! Вина!

Служка с поклоном поставил на стол серебряный поднос с кубками и глиняном кувшином, не спеша наполнив каждый бокал. Вино с тихим шелестом стекало по стенкам, влажно булькая.

По обычаю, пригубив то, что принёс сам, он с поклоном подал напиток господам.

Торн и Алонсон отсалютовали кубками.

– А ты, Гаитэ? Не выпьешь с нами? – добродушно поинтересовался император.

– Благодарю, Ваше Величество, но я не терплю вкуса вина. Предпочитаю что-то более лёгкое и сладкое.

– Как пожелаете, – Алонсон сделал несколько маленьких глотков. – Сын мой, мы счастливы вашим счастьем. Небо даровало вам лучшую супругу, какую только может пожелать смертный. А нашим поданным со временем достанется добрая и мудрая королева.

Слова вдруг застыли у него на устах. Император застыл, простирая руки вперёд в странном жесте.

Гаитэ замерла, с удивлением глядя на Алонсона. Потом перевала взгляд к Торну, ища поддержки и с ужасом увидела, как муж судорожно схватился за горло, словно пытаясь вздохнуть прямо через трахейную трубку.

Из глаз его потекли две узкие, тонкие алые дорожки крови.

Поражённая ужасной догадкой, она зачем-то схватила кубок, заглядывая в плещущееся, алое вино, словно по его виду и запаху можно было определить яд.

Но жидкость оставалась просто жидкостью.

Гаитэ с досадой швырнула кубок на пол.

Из горла Алонсона кровь хлынула фонтаном, и он повалился на пол, забившись в конвульсиях.

– Нет! – неистово закричала Гаитэ.

Впрочем, она не осознавала, что делает, словно флюгер на ветру поворачиваясь то в сторону отца, то в сторону сына.

– О, нет... Помогите! Кто-нибудь! Стража!

Глава 3

Гаитэ колебалась недолго. Она бросилась к мужу, не сумевшему удержаться на ногах и оседающему на пол.

– Виночерпай, подлец! – хрипел Торн, бессознательно цепляясь за Гаитэ.

Распахнулись двустворчатые тяжёлые двери. Гаитэ как сквозь вату слышала, как кто-то кричал: «Лекаря! Быстрее!».

Но что такого мог сделать врач, чего не могла она?

Как же страшно! Как страшно, когда помощь приходится оказывать самым близким. Ноги подгибаются, руки и голос не слушаются. Но если не помочь, если промедлить, испугаться, дать слабину, через минуту-другую будет поздно. Счёт идёт на секунды.

Дар применять бесполезно. Она не может тягаться с отравляющим веществом, поднимающимся по венам и артериям. Сначала нужно остановить его токсичное действие.

– Потерпи! Потерпи, любовь моя! – всхлипывала Гаитэ. – Возьми там подушку, подложи ему под голову, – распорядилась она, отдавая приказ одному из стражников.

Бросившись к камину, она рывком отодвинула тяжёлую решётку.

– Немедленно нужно промыть им желудки, или они погибнут! – пояснила она свои действия.

Насыпав в миску несколько совков угля, Гаитэ прикрикнула на растерявшегося стражника:

– Не стой столбом! Неси воды!

Тот со всех ног бросился выполнять распоряжение.

Гаитэ, тем временем, залив уголь водой, принялась руками разминать его в мелкую черную кашу, приговаривая:

– Потерпи! Потерпи, Торн! Я сейчас!

Самое страшно, что он оставался в полном сознании, изо всех сил борясь, цепляясь за жизнь. Впади он в беспамятство, мучился бы меньше, но и шансов выжить у него бы уменьшились. Люди во сне умирают чаще.

Слив полученный раствор в пустующий серебряный кувшин, Гаитэ отдала новый приказ:

– Откройте ему рот! Пусть глотает, пока может! Вырвет – дайте ещё!

– Но это же колдовство?! – с ужасом проговорил стражник.

Гаитэ хотелось задушить его голыми руками.

– Это – медицина!

Гаитэ и сама бы сделала всё, если бы могла, но ей не хватало физических сил, поэтому приходилось прибегать к помощи этих олухов.

Как только организм Торна отринул яд, она применила свой дар. Как ни странно, это оказалось сложно. Яд был сильнее, чем она рассчитывала. Возможно, и тот эмоциональный шок, который Гаитэ испытала, наложил отпечаток на её способности.

Торна она вытащила, но в случае с императором всё было гораздо хуже. Его куда более изношенный организм был ослаблен, и, хотя Алонсон сопротивлялся, Гаитэ понимала, что шансы его невелики.

– Госпожа? – подняв взгляд, Гаитэ увидела склонившегося к ней Кристофа.

Она полагала, что он остался во дворце, дома.

– Я рада, что ты здесь. Видишь, какое несчастье свалилось на нас?

– Да, моя госпожа. Но...

– Что?

– Прошу прощения, вы были заняты, а ваш муж и Их Величества... я осмелился отдать приказ от вашего имени.

– Какой приказ? – вскинула она на слугу непонимающий взгляд.

– Приказ закрыть городские ворота и усилить стражу. Когда Жютен услышит, что император мёртв, толпа взбунтуется. Случившееся нужно держать в тайне как можно дольше.

– Судя по тому, что ты здесь, не особенно-то это удаётся, с горечью простонала Гаитэ. – Действуй, как знаешь. Только никому не навреди.

– Ещё, госпожа...

Гаитэ не терпелось подняться к мужу, которого она велела отнести в его прежнюю опочивальню. Платье на ней взмокло от пота, ноги ломило от тесных туфель. Вокруг было слишком много огня, людей, крови на полу.

– Что? – в нетерпении обернулась она и, прочитала жалость в глазах Кристофа. – Ещё плохие новости? Дайте мне силы, Добрые Духи!

– Ваша мать, воспользовавшись поднявшейся суетой сбежала из Жютена.

– Что?! – потрясённо протянула Гаитэ.

Ей хотелось добавить: «Не может быть!». Но какое там – не может? Вот же оно, происходит, прямо здесь и сейчас, с ней. Внезапно и без всякого предупреждения.

– Как только я понял, что эта сучка сбежала, пустил за ней погоню и велел закрыть ворота, чтобы мышь из города не проскользнула. Но, боюсь, слишком поздно.

– Кристоф! Ты должен вернуть её! Это же катастрофа! Если Торн узнает... вернее, когда он узнает, он мне этого не простит. Последуй за ней и верни любой ценой. Но, пожалуйста, живой.

Кристоф выглядел так, словно намеревался оспорить её приказ:

– Вы уж простите, госпожа, но я не могу вас оставить в такой момент. Вам кроме меня рассчитывать не на кого, а сейчас, не дай бог оба Фальконэ помрут, такая заварушка начнётся!

– Верни мою мать!

– Вы хотите, чтобы ваш муж отрубил ей голову?

Гаитэ сникла, окончательно пав духом. Как бы там не было, а смерти Стеллы она не хотела.

– Мы недооценили наших врагов, – печально взглянула она на Кристофа. – Но нельзя думать обо всём и сразу. Что мне делать, чтобы удержать ситуацию под контролем?

– Нужно, чтобы сила была на вашей стороне, госпожа.

– То есть?

– Нужно выбрать самые верные войска для охраны императорского дворца.

– Так и сделай. И пошли людей на виллу Рокора для эскорта Эффидели. Пусть она немедленно прибудет сюда.

– Будет сделано.

– Найди верного и смышлёного человека, чтобы послать его к Сезару с известием о случившемся. Дальше пусть сам решает, как действовать.

Гаитэ понимала, что нужно думать о государственных делах, но всё, на что её хватало это страх за жизнь Торна. Жизнь эта походила сейчас на тонкий язычок пламени, что в любой момент мог погаснуть.

– Какие-то новости? – спросила она, поднявшись в комнату мужа, где хлопотали доктор и слуги.

– Он дышит, госпожа. Уже за одно за это следует благодарить добрых духов. Ваша Светлость, принц вернулся к жизни, но впал в бессознательное состояние.

– Отойдите! – потребовала Гаитэ. – Он должен жить! Любой ценой!

– Не могу поручиться за это, госпожа. Будем ждать. Нужно запастись терпением...

– Если оба Фальконэ, отец и сын умрут, то что же с нами будет? – выдохнул кто-то из людей, окружающих одр.

– Он не умрёт! Я не допущу этого, – заявила Гаитэ, садясь рядом с мужем и беря его за руку. – Духи этого не допустят.

Жилистая сильная мужская ладонь была сейчас безвольной, как у ребёнка.

– Торн – великий воин, – сказала она с уверенностью, которой на самом деле не испытывала. – Мой муж победит смерть, он не сдастся. А потом мы найдём предателя и заставим его заплатить за всё!

При мысли о том, что к предателям, так или иначе, наверняка относилась и её родная мать, что заговор, может статься, готовился под её чутким руководством, на сердце упала ещё одна льдинка.

«А что, если он умрёт?», – упрямо задавал вопрос внутренний голос.

Этот вопрос светился и в глазах окружающих людей – челяди, ближнего круга, доктора.

«Что, если он не встанет? Что будет со всеми нами? Что делать мне?», – с ужасом думала Гаитэ, понимая, что, если мужа не станет, бремя власти во всей его тяжести падёт на неё.

Ей придётся принимать решения. Возможно, важные, судьбоносные решения. Но, Духи! Она к этому не готова.

Ей никогда, даже на час, не нужна была реальная власть!

Горе диктует желание закрыться от всех и рыдать, заламывая руки, но положение, проклятое положение, обязывает быть отважной и не терять достоинства и контроля.

Кто-то должен оставаться хладнокровным и знать, что делать дальше. Или хотя бы делать вид.

Она, Гаитэ Рейвдэйл, возлюбленная жена Торна Фальконэ, которой судьбой уготовлено пройти по пути, усыпанному розами, шипами и золотом. И не в её силах изменить это. Нужно принять предначертанное.

Никому не дано попасть в рай, оставаясь на земле. И звездой на небосклон не подняться, если не вспыхнуть ярко и не прогореть дотла.

Дверь распахнулась. В опочивальню, и без того переполненную людьми, вбежала Эффидель.

– Гаитэ? Что происходит? В покои отца меня даже не пустили!

Лисичка впервые со дня их знакомства выглядела бледной, утратившей природную жизнерадостность. Будто маленькое солнышко, проглядывающее сквозь её, ещё такую юную, оболочку, забежало за тучку, и та пригасила сияние яркой души.

Гаитэ молча смотрела на девушку, не находя в себе силы сказать правду.

Поднявшись, она взяла Эффидель за руку, увлекая в сторону от остальных, так, чтобы их не могли слышать:

– Мы сделали всё, что в наших силах, но у человеческих возможностей есть предел. Иногда он наступает раньше, чем нам бы того хотелось. Боюсь, ваш отец при смерти и нам ещё повезёт, если выживет Торн. Если нет, то да поможет нам всем Бог. Сезар вряд ли успеет добраться до столицы, чтобы успеть предотвратить беспорядки.

– О чём ты говоришь? – потрясённо выдохнула Эффи.

– Надежда не должна оставлять нас, но следует готовиться к худшему. Нам, женщинам, с горсткой людей, предстоит противостоять слишком многим.

– Такое страшное горе обрушилось на нашу семью, а ты говоришь... о чём, Гаитэ?!

– Страшное горе обрушилось на всю страну, Эффи. Когда падает огромная башня, она погребает под собой огромную толпу. Заговор гораздо обширнее, чем мы предполагали. Моя мать... она сбежала. И наверняка вместе с нашими врагами сделает всё возможное, чтобы подогреть беспорядки и бунты. Мы все в опасности. Не только власть, пойми – сама наша жизнь.

Глаза Эффидель широко распахнулись. До неё только сейчас стало доходить вся тяжесть их положения.

– Даже если Торн выживет, он сейчас не сможет ничего сделать, – покачала Эффи головой. – Действовать придётся тебе. Есть план?

– Откуда ему взяться?

– Тогда его следует придумать! Потому что, если ты права, а я подозреваю, что это именно так, на нас обрушится сам ад.

Лица, лица, лица – все обращены к ней. Все ждут... чего? Что они все хотят, чтобы она сделала?

Как много вокруг людей и как одиноко и страшно рядом с ними. Ты словно заточена на оторванном ото всех острове своей души. Во рту горький вкус печали, в переносице колются непролитые слёзы. Стены, будто сердце, то сжимаются, то вновь встают на место и кажется, будто дворец поднимается вместе с тяжёлой волной перед штормом.

Гаитэ вернулась к кровати и вновь села рядом с неподвижным телом Торна.

Нет, пока ещё не телом! Он ещё дышал, но черты его лица словно начали застывать, приобретая симметричную завершенность какую можно встретить только у мёртвых в первые часы перед кончиной.

Картины прошлого, которого было совсем немного, поплыли перед глазами.

Тепло его тела, вкус поцелуя, аромат кожи. Сила и странный надлом в душе – всё обрушилось в одно мгновение вместе с осознанием, что это уходит, может оборваться вот прямо здесь и сейчас.

И человека не будет. Нигде и никогда.

Как Гаитэ не крепилась, как не старалась сдержаться – не получилось. Боль, уже не помещающаяся в теле, вырвалась всхлипами и слезами. Прижав кулак к губам, погружая в пальцы зубы, чтобы не завывать в голос, как волчица, она судорожно стонала, будто и впрямь стала раненым животным, без сознания, лишь с обнажёнными нервами и инстинктами.

Будто камень, тяжёлый, неподъёмный, упал на грудь. Ни сдвинуть, ни вздохнуть – такая беспросветная тяжесть.

«Он ещё не умер! Он жив», – шептали духи разными голосами. – «Рано оплакивать. Надо бороться».

– Частица души моей! Любовь моя, не покидай меня! – прошептала Гаитэ, вновь беря Торна за руку. – Свет очей моих, останься со мной!

Она перестала видеть людей вокруг – видела только его. Заострившийся профиль, чернеющие провалы глаз и неровное, еле различимое дыхание, бьющееся у губ.

Гаитэ, вцепившись в руку Торна, физически ощутила тот момент, когда темнота вокруг стала густеть, как воздух перед грозой. Нечто огромное, мощное и чёрное медленно наполнило, пронизанное грозными зарницами. Нечеловеческая, мощная сила, которую не сокрушить.

Гаитэ ощущала жестокие порывы ветра, неудержимые, неукротимые.

С ней случилось видение. Она стоит на пике горы, и видит, как на неё движется чёрный смерч. Чёрные пики скал со всех сторон, свет гаснет прямо над ней, в узком просвете между густых туч и у ног разверзается пропасть.

Пропасть всё ширилась и в какой-то момент Гаитэ поняла – ветер движется не с небес, как обычно бывает, а из этого чёрного, бескрайнего, расширяющегося провала.

«Я не отдам его тебе», – сказала она мысленно тому непонятого Нечто, что шло со всех сторон. – «Я не отдам его тебе!».

Пропасть, как водой, заполнялось поднимающееся белой дымкой, подвижной, словно ртуть. На душу сниходил покой, но это не было связано со смирением или принятием происходящего – лишь с решением стоять до конца.

Если она вместе с Торном рухнет в эту бездну, так тому и быть, но одного Гаитэ его не отпустит, не разожмёт рук.

Слух наполнился неприятным клёкотом и шумом крыльев, тревожным, волнительным. Так не могут шуршать крылья голубей – только воронов. Зловеще, по-чёрному.

Потом все стихло.

Слабый полустон-полухрип сорвался с губ Торна.

– Любовь моя! – склонилась над мужем Гаитэ.

Медленно, с усилием он открыл глаза, ещё сохранявшие потусторонний блеск.

Взгляд его скользнул в сторону жены.

– Гаитэ, – медленно проговорил он.

– Я здесь, любовь моя! Я рядом с тобой! – сжала она его ладонь в своей руке, прижимая к мокрой от слёз, щеке. – Слава добрым Духам! Ты не покинул меня! Боже милостивый! Благодарю тебя! – возвела она очи горе. – Муж мой! Я так рада, что ты одержал победу над смертью...

– С твоей помощью, жёнушка. С твоей помощью, – отозвался Торн со слабой улыбкой.

Он притянул Гаитэ к себе, цепко, с привычной для него хваткой, которую даже яд не в состоянии был ослабить.

– Мой отец?... Что с ним? Он в порядке?

Что было делать? Лгать ему во имя спокойствия? Гаитэ никогда не была сильна в криводушии.

– Их Величество, в его годы, учитывая то, что он успел выпить больше вина, чем ты...

– Почему ты здесь?! Почему ты не помогла ему?!

– Я не всесильна. Мне пришлось выбирать между твоим отцом и тобой... и выбор мой очевиден.

– Мой отец мёртв?

Глаза Торна ярко заблестели, как бывает только тогда, когда они полны слёз.

– Вот демон! Как же такое могло произойти! Как такое допустили?! Змея подобралась слишком близко...

– Боюсь, что ты прав. И... – Гаитэ заколебалась, не уверенная в том, что эту новость следует сообщать сейчас. Но как умалчивать о таком?

– Что?

– Бюсь, моя мать может быть замешена в заговоре. Она сбежала сразу же, как всё началось.

Торн поднял на Гаитэ тяжёлый, придавливающие взгляд.

– Ты не стала пить вино, – с горечью, почти с ненавистью, проговорил он.

– Я никогда не пью. Ты же знаешь.

– Наша смерть с отцом была тебе выгодна!

– Если так, то зачем я сделала всё возможное, чтобы спасти вам жизнь?

Гаитэ не была удивлена подозрениями Торна. Зная его нрав и характер она к этому готовилась.

– Я на вашей стороне. Сейчас слишком много всего навалилось, чтобы нам ссориться. Мы должны быть едины. Все.

– Ты права. Ворота во дворец заперли?

– Кристоф посоветовал мне сделать это, как только мы поняли, что вас отравили. Эффидель с мужем здесь.

– Отлично. Всех посетителей гнать прочь! Болезнь мою и отца следует держать в тайне. Это поможет выиграть время.

– Мы можем попытаться, но вряд ли получится, – вздохнула Гаитэ.

Передав приказ Торна секретарю, она, напоив мужа целебным отваром из трав, которые должны были нейтрализовать остатки токсинов в его организме, направилась в покои императора.

Лекарь передал тревожное сообщение. Их Величества пришли в себя, но, скорее всего, не проживут до рассвета.

К собственному удивлению, Гаитэ не застала царственного свёкра в постели. Он велел отнести себя в тронный зал. Всё это было странно, нереалистично, жутко. Высокий зал, неровные всполохи факелов, эхо шагов, тени.

И умирающей в высоком кресле.

Рядом с Алонсоном стояли его дочь и любовь последних лет его жизни, красавица Франческа.

Жозе Рокор, муж Эффидель, стоял в отдалении.

– А, вот и ты, последняя из Рэйвов, – тихим, ровным голосом проговорил Алонсон. – Подойти ближе. Скажи, как мой сын?

– Пришёл в себя, Ваше Величество.

– Он будет жить?

– Вне всякого сомнения.

– Мы рады это слышать, – откинулся на спинку кресла император. – Известие скрашивают нашу боль, которую мы почти не в силах выносить.

Гаитэ, не говоря ни слова, приблизилась к императору и, присев у его ног, положила свои руки на его. Исцеление было невозможным, процесс интоксикации зашёл слишком далеко, но облегчить его муки она всё-таки могла. Правда, в изрядной степени разделяю их.

– Благодарю, дитя, – мужчина отнял ладони, покачав головой. – Но не стоит. Слишком поздно, – тяжело вздохнул он. – Слишком поздно для многого.

– Нет! – всхлипнула Эффидель. – Нет, папочка. Не покидайте нас! Мы не готовы...

– Дитя моё, к смерти нельзя подготовиться. В такой час, как мой, нужно быть благодарным за жизнь, которую прожил. А мы прожили интересную жизнь, о которой немногие могли бы мечтать. В этом дворце я видел и рай, и ад, вкусил сполна и любовь, и предательство. Здесь я видел смерть и не раз сам был её причиной. И все же, пусть на душе моей много грехов, я не жалею ни о чём. Люди могут говорить что угодно, но всё, что я делал, я делал для будущего процветания моей страны и воцарения нашей династии.

Императору каждое последующее слово давалось труднее предыдущего. Он тяжело дышал.

– До этого часа из всех войн, в каких довелось участвовать, я выходил с надеждой. Даже если проигрывал, всегда находил способ вновь начать игру с преимуществом в положении. Но в этот миг сердце наше не спокойно. Наши сыновья недостаточно сильны и мудры для того, чтобы править. Торн слишком самовлюблён, а Сезар... – дыхание императора всё учащалось, делаясь прерывистой. – Сезар слишком амбициозен. Оба слишком легко идут на поводу страстей. И единственная надежда, которую я даже сейчас храню в своём сердце, что ты сумеешь примирить непримиримое, найти равновесие там, где его изначально не было. Я должен был бы передать этот перстень тому из сыновей, кто займёт моё место на престоле. Но вокруг меня нет сыновей. Лишь женщины. Ты, как будущая королева и мать моих внуков, передашь этот символ власти вашему новому королю.

Тяжёлый перстень с кровавым рубином лёг в ладонь Гаитэ.

– Нет, отец, нет! – сжала руку отца, рыдая Эффи. – Не говорите так. Мы вылечим вас! Спасём. Правда же, Гаитэ? Ну скажи ему!

Но Гаитэ и без дара было видно, как душа Алонсона медленно, но верно покидает его бренное тело, отходит.

– Папочка! Как же мы будем жить без тебя?! – причитала, всхлипывая, Эффи.

– Если ты любишь меня по-настоящему, дитя моё, будь щедра, не держи меня больше здесь. И не плачь. Мне пора в последний, самый трудный бой, моя девочка. Пообещай позаботиться о них, – обратил он последний взгляд на Гаитэ.

– Обещаю, – кивнула та.

– Мой день подошёл к концу. Ночь близка... – выдохнул, угасая, Алонсон перед тем, как в последней смертной судороге упасть на руки плачущих женщин.

Спустя четверть часа Гаитэ была вынуждена войти в опочивальню мужа с тяжёлым известием:

– Ваш отец, Их Величество император Саркассора, Алонсон III, умер. Король умер. Да здравствует король!

С этими словами она надела оставленный кровавый перстень на руку мужу.

Какое-то время Торн хранил молчание, откинувшись на подушки, прикрыв глаза рукой. Потом тихо произнёс.

– Нам всем следует готовиться к худшему. Власть мало получить. Её нужно завоевать. А Бог свидетель – врагов у нас немало.

Глава 4

– Ваша Светлость, – подошёл к Гаитэ премьер-министр. – Мы не можем больше ждать. Наша обязанность перед поданными сообщить о смерти императора.

– Так делайте то, что должны.

– Откройте ворота! Откройте ворота! – гудела толпа, заполнившая всю площадь.

Стемнело. Среди ночи леденящим ужасом наполнял душу этот рёв, что страшнее звериного.

Факелы в руках толпы будили в душе Гаитэ, наблюдавшей с верхней галереи, застарелые, укоренившиеся фобии – её самым большим страхом было сгореть на костре.

Самые отчаянные из смутьянов сделали из бревна таран и теперь тащили его к воротам, что гвардейцы изнутри заперли на тяжёлый засов. Те ходили ходуном на массивных петлях.

Толпа ревела и бесновалась. Мужичё держало в руках импровизированное оружие от вертелов, на которых обычно жарили рябчиков, до заржавевшей сабли, неизвестно как попавшей в лачугу простолюдина.

– Что будем делать, Ваша Светлость? – вытирая пот с бледного лица проговорил кто-то из мужчин.

Судя по форме, один из военных. Кажется, капитан?

– Они вот-вот прорвутся.

– Чем можно противопоставить толпе, чтобы привести её в чувства? – вопросительно поглядела на него Гаитэ

– Нечто более действенное, чем простая алебарда и аркебуза.

– Тогда велите приготовиться мушкетёрам, – распорядилась Гаитэ. – И пусть готовят пушечные жерла. Раскалите до красна прутья. Если убедить толпу словом не удастся, нам придётся думать о наших жизнях и жизнях тех, за кого мы в ответ.

– Вы правы, мидели. Мы должны быть готовы дать серьёзный отпор, – одобрил её решение капитан.

Гаитэ плотней запахнула на себе плащ, подбитый волчьим мехом. Ночь была прохладной, да и страх, поднимавшейся в душе, порядком вымораживал.

– Что с нами будет? – услышала она рядом с собой встревоженный голос Эффидель, подошедшей неслышными, мягкими, как у кошки, шагами. – Что с нами со всеми будет, Гаитэ? Брат должен что-то сделать.

– Торн очень слаб, он едва дышит. Толку от него сейчас будет меньше, чему ему вреда от подобной активности.

– Как назло, от моего муженька никакой пользы! – с досадой притопнула ногой Эффи. – Знаешь, что он делал, когда я покинула наши покои? Он – молился! Представляешь? Молился!

– Иногда молитва бывает животорящей.

– Сомневаюсь, что она возымеет волшебное действие, если не предпринимать ничего больше.

– Мы отобьёмся, – постаралась успокоить Гаитэ девушку. – Дворец – неприступная крепость. Даже если чернь прорвётся во внутренний двор, это ещё не конец. В опасности не столько мы, сколько все эти люди. Если бы только можно было избежать большой крови, – вздохнула она.

Тем временем солдаты, вооружённые мушкетами, выстроились в два ряда напротив ворот в прямоугольное каре. После первого залпа первая шеренга должна была уступить место второй.

Если первые два огневых залпа не остановят людей, дальше сцепиться придётся в рукопашную.

Пролившаяся кровь могла либо испугать людей, либо окончательно превратить их в кровожадных зверей.

– Их голоса, – нервно передёрнула плечами Эффидель. – Похоже на рёв океана.

– Они вот-вот выбьют ворота. Нужно спуститься вниз.

– Зачем? – Эффидель посмотрела на Гаитэ, как на сумасшедшую.

– Чтобы в последний раз попытаться поговорить с людьми нормальным языком перед тем, как заговорим на языке оружия.

– Думаешь, с ними можно нормально разговаривать?

– Нужно попытаться хотя бы понять, чего они от нас требуют? Чего им надо?

Спустившись, Гаитэ встала перед воротами.

– Отворите! – велела она страже.

Все вокруг смотрели на неё с явным сомнением в её умственных способностях.

– Открывайте! – настаивала Гаитэ.

Гвардейцы, подчинившись, отошли в стороны. Тяжёлые деревянные воротины разошлись в стороны и в образовавшийся проём хлынул поток дубин, колов, топоров.

Всё, как кровью, залито багровым светом факелов.

Пока толпа с дикими воплями заполняла внутренний дворцовый двор, военные стояли молча, кто, положив руки на эфес клинка, кто, держа мушкет на мушке, кто, готовый запалить фитиль. Все бездействовали в ожидании приказа начать атаку.

– Вперёд! Бей! – кричали люди и лица их искажались, словно они были одержимы бесами.

Гаитэ ощущала присутствие тёмных духов так же явственно, как чувствуешь запах крови на скотобойне.

Она стояла в этом диком водовороте и не чувствовала страха – лишь печаль и решимость идти до конца, чего бы не стоило.

Вся предыдущая жизнь отдалялась от неё в этот момент, словно берег, от которого отчалил корабль, уходя в открытое море.

Она никогда не была маминым любимым ребёнком, папиной ненаглядной дочкой, деревцем, свежим цветком, который все холили и лелеяли. Её с детства жизнь приучила к бурям. Но то, что разворачивалось сейчас было хуже всего.

Последние остатки детства, последние пылинки невинности слетали с Гаитэ в этот страшный миг, когда она стояла один на один со Смертью, и только от её решения зависели дальнейшие события.

Она, Гаитэ, урождённая Рэйв, ставшая Фальконэ, познала тоску и боль в окружении величайших богатств этого мира. Тьму, скрывающуюся за блеском великолепия драгоценностей и богатством одежд. Дьявола, прячущегося за самыми прекрасными лицами.

Большинство людей уверены, что быть королём значит быть в безопасности ото всего, даже от капель дождя. Но вот она стоит, сжимая в кулаки руки с такой силой, что на ладонях остаются лунки от ногтей.

Одна.

На неё движется бессмысленная, из-за чего-то восставшая толпа. И никто и ничто не спасает её от участи быть разорванной в клочья и зарубленной топорами.

При виде женской фигуры, с ног до головы закутанную в белое, неподвижно замершей у высохшего фонтана, словно добровольная жертва, выступившая вперёд, толпа сбавила шаг.

Гаитэ бесстрастно и свысока глядела на людей.

Сегодняшний день, или, вернее, ночь, должны подвести черту под годом жизни, в котором Гаитэ столько тосковала, теряла и обретала, надеялась и разочаровывалась. Сейчас ей предстояло пройти через Врата Смерти.

В этот длинный, бесконечный, ужасный день они словно танцевали вместе, в паре. Или, скорее не танцевали – сражались. Пока счёт шёл один – один.

Но ведь это только разминка?

Две женщины в белом. Королева и Смерть. Тет-а-тет.

Гаитэ либо падёт, либо выживет. Прощай, прошлое! Прощай, маленькая, скромная, наивная, чистая монашка-чародейка, с душой, как лепесток лилии. Жизнь оставляет сальные пятна на всём. Чем чище полотно, тем ярче пачкающий его мазок.

Порвать связующие нити, расправить крылья, лететь сквозь бурю, чтобы поздороваться с Небом.

Гаитэ почувствовала, как кровь начала бурлить в жилах, как звёзды засверкали в её глазах и шагнула навстречу готовой разорвать её толпе.

На стоявших за её спиной воинах была броня. В их руках было оружие.

Её единственной бронёй были невинность и красота, единственным оружием – слово.

Выпрямив спину, продираясь через собственный страх и людскую глухую ненависть, как по горячим углям, она шла, чтобы вершить судьбы и определять будущее.

– Мушкетёры! – прогремел командный голос. – Артиллерия! На изготовку!

– Нам сказали неправду! Нас обманули! – скандировала толпа, потрясая в воздухе кто импровизированным оружием, а кто просто зажатый кулаком. – Император мёртв! Император мёртв! Вперёд!!!

– Если не остановитесь, по вам будет открыт огонь! – взревел капитан мушкетёров.

– Стойте! – обычно нежный и мягкий голос Гаитэ звенел, как натянутая струна, пронзительно и громко. – Я – жена Его Светлости принца Торна Фальконэ, Гаитэ, урождённая Рэйв! Я совсем недавно была подле Его Величества императора и к величайшей моей скорби вынуждена сообщить, что великий правитель умер! Был отравлен недругами!

При таком известии толпа взревела вдвое громче.

– Так бывает! Смерть приходит равно за всеми – за большими и за малыми. Смерть – повод для скорби, но не для драки. Опустите топоры! Воины – вы опустите мушкеты! Все послушайте меня! Император мёртв, но его сын, мой муж Торн – он жив, он дышит. Он всё ещё болен, это правда, но при нём лекари. Не сегодня, так завтра принц встанет на ноги. Из Тиоса вернётся его брат Сезар. И чем тогда обернутся для вас сегодняшние беспорядки? Снова смерти, казни, репрессии? Прошу вас! Разойдитесь по-хорошему. Для смуты нет причины. Чтобы не произошло сейчас во дворце, для вас, ваших жён и детей ничего не изменится. Тот, кто подстрекает вас к бунту, попросту хочет вашими руками вытащить каштаны из огня. Вас используют. Не позволяйте им сделать это. Не заливайте всё вокруг кровью, своей и чужой. Прислушайтесь к голосу разума.

– Не слушайте эту лживую шлюху! – прокричал кто-то из безликой благодаря множествам ликов, толпе.

И прежде, чем охранники Гаитэ успели среагировать, в неё метнули нож.

Время замедлилось, пространство вокруг уплотнилось, уши заполнились резким звуком вращающегося предмета, рассекающего воздух и нож застыл, будто наткнувшись на невидимую стену, в нескольких дюймах от груди молодой женщины. Завис на секунду, словно удерживаемый невидимой рукой, потом вошёл в песок у ног Гаитэ.

– Этого не может быть! – испуганно охнула толпа. – Ведьма! Ведьма! Она заколдована!

В суеверном ужасе толпа, медленно раскачиваясь туда-сюда, словно и впрямь её гнала невидимая волна, стала медленно отступать назад, к воротам.

– Ведьма! Ведьма! Убейте её! Убейте!

– Мушкетёры! – прогремел голос капитана. – Становись! Цельсь!..

– Нет!!! – прокричала Гаитэ, скидывая руки над головой, а потом разводя их в стороны, словно пытаясь одну часть безумцев защитить от других, готовая грудью встретить натиск с обеих сторон.

– Никто не умрёт этой ночью! Я – ваша новая королева и я приказываю – расходитесь по домам, к тем, кто вас любит и ждёт! К своим матерям, отцам, жёнам, детям, братьям и сёстрам! Сейчас не время бунтовать. И если впереди грядут трудные времена, мы должны быть едины, а не разобщаться. Пусть никто не пострадает. А если вы всё ещё сомневаетесь в том, как поступить, вспомните старую мудрость: «Для тех, кто верен своему долгу у Духов найдётся благодарность, а для тех, кто нет – секира!».

Толпа притихла, все ещё не спеша расходиться, но уже порядком поистратив воинственный пыл.

– Ну же? Расходитесь по домам! К любящим вас людям! Вернитесь к ним живыми! – прокричала Гаитэ. – Идите! Идите же! – взмахнула она руками, словно прогоняла надоедливых, крикливых гусей.

– Мы возвращаемся в казармы! – прокричал кто-то из толпы.

Медленно-медленно, но люди отступали. Они уходили.

Гаитэ стояла, прижимая руки к груди, где испуганно металось и билось, как раненая птичка, сердце.

Она сделала это! Без угроз, без насилия, без пушечного грома – она совладала с толпой. Впервые пригубила пьянящей кубок власти и ощутила её пряный, ни с чем не сравнимый вкус.

Не дожидаясь, когда последний мятежник покинет двор, Гаитэ медленно развернулась и побрела во дворец.

Двери за её спиной закрылись, отделяя от возможной опасности.

У лестница её ждала Эффидель.

– Ты была великолепна. Даже здесь я чуть от ужаса сознание не потеряла! Как же ты справилась? Ты же словно пожар водой погасила? Они совсем притихли. Сначала рычали, как львы, а потом стали кроткие, как овечки. Ты, верно, и вправду ведьма?

– Нам на счастье.

– Ладно, пойдём, – обняла её за плечи Эффи. – Тебе нужно отдохнуть.

– Нет, – покачала головой Гаитэ. – Я должна идти к Торну.

– Ты должна отдохнуть! – настаивала Лисичка. – И это не обсуждается. День был тягостный и длинный, а завтра – кто знает? Может станет ещё тяжелее? Нужно беречь силы.

– Ты права, – согласилась Гаитэ. – Я отдохну. Только сначала навещу Торна. Мне нужно убедиться, что он в порядке, иначе я не смогу уснуть.

Пока она поднималась на третий этаж, в крыло, где находились покои мужа, всюду наталкивалась на стражников.

Некогда мирный дворец, блистательный и великолепный, сейчас походил на казарму в осадном положении. Но сетовать на это не приходилось. Гаитэ прекрасно отдавала себе отчёт в том, что, если бы за её спиной не темнели фигуры воинов, державших оружие на изготовку, её речи оказали бы на толпу куда меньшее воздействие.

Торн спал, сладко, как младенец. Дыхание его было ровным. Лихорадка спала. Всё это было хорошим знаком. Он шёл на поправку.

«Какое счастье проспать весь этот ужас», – подумала Гаитэ.

Глядя на спящего Торна, она не могла не задаваться вопросом, что он будет чувствовать, придя в себя: печаль из-за смерти отца или радость, что вот-вот станет обладать полнотой власти? И как изменится, получив то, о чём мечтал всю жизнь?

Наверное, если бы Гаитэ устала меньше, она была бы испугана. Торн, ничем не ограниченный и никому не подотчётный – это по-настоящему пугающий вариант.

Наверное, будь Гаитэ чуть больше королевой и чуть меньше женщиной, она должна была в первую очередь спасти жизнь императора. Но, повторись бы всё сначала, она сделала бы тот же выбор.

«А если бы отравленными оказались не отец и сын, а брат и – брат, – ехидно спросил голос, неизвестно кому принадлежащий, – к кому бы ты кинулась? Кого бы вырвала из власти смерти? Своего мужа? Или – Сезара?»

Гаитэ оставалось только мысленно возблагодарить судьбу за то, что перед таким выбором та её не поставила.

Она не помнила, как забылась сном. Но, видимо, спала чутко. Стоило Торну пошевелиться, Гаитэ сразу же очнулась.

– Милый, всё в порядке? Как ты?

– Всё тихо, – прошептал он потрескавшимися губами. – Толпа разошлась?

– Мы убедили её сделать это.

– Мы это, значит, ты? – слабо улыбнулся он.

– Мы – это я с твоими охранниками за моей спиной, взведшими курки пищалей, мушкетов и натянув стрелы арбалетов, – улыбнулась она в ответ. – И да, судя по всему, аргументы произвели впечатление. Не думай пока об этом. Поправляйся. Набирайся сил. Нам они определённо понадобятся.

Торн опустил пушистые ресницы, прикрывая лихорадочный блеск янтарных глаз:

– Отец?.. Он сказал мне что-нибудь напоследок?

– Он просил вас обоих, тебя и твоего брата Сезара, бороться со своими страстями во благо государство.

– И больше ничего?

Торн в задумчивости покрутил кольцо, символ власти в длинных пальцах, покачав его в ладони, словно взвешивая.

– Мне жать, что император Алонсон III умер, – наконец вымолвил он. – Он был хорошим властителем. Да будет земля ему пухом. – Торн с усилием приподнялся, опираясь на подушки. – Мне нужно как можно быстрее подняться. До того, как наши враги ударят первыми. Если Запад во главе с твоим братом и матерью двинутся на столицу, у меня не хватит сил, чтобы сдержать их.

– Я послала весточку Сезару, – с некоторым страхом в сердце призналась Гаитэ. – Его войска будут нам кстати. И к тому же, он имеет право знать о смерти Алонсона. Он ему такой же отец, как тебе или Эффи.

– Разве я обвинил тебя в неправильно принятом решении? – выгнув бровь, холодно процедил Торн. – Зачем оправдываться?

– Я не оправдываюсь. Я объясняю.

– А следовало бы!

Гаитэ не могла поверить своим ушам. Очень логично.

– Уверен, твоя мать причастна к убийству моего отца. Как я могу тебе верить? Вдруг ты тоже замешена?..

– Торн, я невиновна. Даже твой отец, умирая, ни в чём меня не обвинил! Напротив, просил помогать тебе...

– Довольно, Гаитэ! Я не готов сейчас говорить об этом.

Гаитэ чувствовала себя так, словно ей взяли и плюнули в душу. Весь этот тяжёлый, бесконечный день она дралась за каждого из Фальконэ, как за себя и даже с большим ожесточением, чем за себя. И вот её награда – новые упреки? Такова мужнина благодарность?

– Мне жаль, что ты не доверяешь мне, Торн. Но всё равно тебе придётся терпеть моё общество. Потому что ни у кого другого, кроме меня, нет желания терпеть твой склочный нрав.

– Я хочу тебе верить, Гаитэ. Но мысль о том, что даже ты можешь вонзить нож в спину, невыносима!

– Тогда не думай об этом! Идея оставить мать при императорском дворе не мне принадлежала, если помнишь. Да и доказательств тому, что мать причастна к отравлению твоего отца

пока нет. Она ведь могла просто воспользоваться суматохой и сбежать. Организатором заговора мог быть кто угодно.

– Это-то и пугает, Гаитэ. Это и пугает. Наверняка лорды собирают очередное собрание пэров. Но первыми в линии после нас, как не крути, это Рэйвы! Чёрт, они первые в линии перед нами!

– Я – Рэйв. И я твоя жена. Я на твоей стороне. Сюда спешит Сезар с армией. Если вы не перецапаетесь между собой, если будете действовать слажено и мудро, мы удержим корону за собой.

– Сорхэ и их сторонники наверняка уже объединили войска и движутся к нашему городу, – словно не слушая её, в полузабытьи рассуждал вслух Торн. – Нужно действовать. Нужно срочно действовать, а я лежу тут, беспомощный, как младенец!

– До рассвета ты вполне можешь себе это позволить. До рассвета мы в безопасности.

– Ты права. И – ещё одно...

– Да?

– Кто-то должен позаботиться о похоронах отца. Несмотря на все обстоятельства, мы должны похоронить его со всеми полагающимися почестями. Я могу на тебя рассчитывать?

– Безусловно.

– Эффи поможет. Впрочем, от этой глупой вертихвостки никогда не было никакого прока. Только и может, либо смеяться, либо слёзы лить. А я завтра должен сам возглавить собрание.

– Но ты не готов.

– Я – должен! А теперь оставь меня, женщина. Мне нужно побыть одному.

Гаитэ вышла из комнаты.

В сердце её было темно, как в печной трубе. Душа была полна отравляющим угарным газом разочарования и тоски.

Глава 5

Торн рвался в бой, не желая оставаться в постели. Ему не терпелось побеседовать с лордами.

– Если я не могу помешать им напасть на нас, по-крайней, мере сделаю всё, чтобы разобщить и настроить друг против друга.

Гаитэ молчала, всё ещё обиженная после вчерашнего с мужем разговора.

– Может быть, стоило бы сначала похоронить вашего отца?

– Похороним! – рявкнул Торн, отталкивая от себя брадобрея. – Мёртвое тело никуда от нас не убежит, в отличие от короны. Нужно выковыривать меч, пока металл горяч! Время не ждёт.

С явным усилием он поднялся из кресла, собираясь направиться в тронный зал.

– Эй, олухи! – прикрикнул он на слуг. – Помогите мне!

Те поспешили подставить плечо, чтобы с трудом державшийся на ногах принц смог добраться куда ему надо.

Гаитэ беззвучной тенью скользила рядом. Отчасти она хотела быть рядом с мужем на случай, если его состояние внезапно и резко ухудшится. Но ещё больше хотела быть в курсе происходящего.

– Бездари! Осторожней! Вы угробить меня хотите?!

Гаитэ с трудом держалась, чтобы не сказать мужу какую-нибудь колкость. Он вёл себя словно капризная девица.

Видимо, прочитав по выражению лица её настроение, Торн нахмурился:

– Гаитэ? – позвал он недовольно. – Не могла бы ты подойти поближе?

Она исполнила его просьбу, опасаясь новых упрёков, но Торн, видимо, решил начать утро с сюрпризов:

– Я хотел извиниться за вчерашнее – прости меня. Когда я бросался подозрениями, я не знал о твоём вчерашнем героическом поведении. Всё проспал и вёл себя как глупец. Мне жаль, что я снова причинил тебе боль. Если это и случилось, то только потому, что я сам страдаю не меньше. Ты последний человек на земле, кого я хотел бы ранить. Скажи, что прощаешь меня? – заглянул он в глаза Гаитэ. – Я вчера был сам не свой и, конечно же, бы не справедлив к тебе. Мир?

Что остаётся ответить на такое? Конечно, мир. Конечно, прощаю. И да – люблю.

Но есть некоторые слова и действия, после них остаются следы, от которых не так просто избавиться. Кроме того, Гаитэ не могла отделаться от мысли, что будь её поддержка нужна Торну чуть меньше, он был бы склонен усматривать за ней вину большую, чем сейчас.

Всё же она молча встала рядом с тронном мужа, по правую сторону от его руки, как и полагается любящей, верной жене.

В зал вошло десять представителей самых родовитых семей Саркаросса.

– Доброе утро, лорды! – приветствовал их Торн. – Надеюсь, вы не в обиде за то, что я приветствую вас не вставая?

– Конечно, мы не в обиде, – ответил щеголеватого вида молодой человек с хитрыми рысьими глазами и тонкими усиками над чувственным ртом. – Большинство из удивлены уже тем, что ты вообще способен говорить. Хотя, возможно, разговоры о поразившем тебя недуге всего лишь слухи, Фальконэ?

– Ты забываешься, Феранцо Соколь! Да кто ты такой, чтобы говорить так с будущим императором?

– Ну, это ещё бабушка надвое сказала, – задрал голову герцог.

Гаитэ мысленно поставила напротив этого имени галочку. Если завтра муж решит отрубить наглецу голову она не станет отговаривать.

– Всем известно, что Рэйвы, объединившись с Руланом, вот-вот войдут в Жютен. Гаитэ увидела, как судорожно сжались руки Торна на подлокотниках.

– Было время, когда мы всерьёз не ладили с королями Запада, но сейчас у Тигрицы с Гор нет повода для вражды со мной. Её внук и без дополнительных войн займёт престол. Так что мы союзники, а не враги.

– Прости, но люди говорят...

– Люди путают свои мечты с реальностью. Вопрос в том, как будут дела обстоять с вами, господа? Не стану отрицать, что заговорщики, так и не пожелавшие выйти из тени и открыть лица, нанесли нам тяжёлый удар. Мне сейчас вовсе не лишней будет поддержка. И я не забуду тех, кто её окажет. Как, не стану кривить душой, не забуду и тех, – понизил голос Торн, – кто этого не сделает. Я бы хотел, чтобы, как в старые давние времена, мы правили вместе. Привычнее опираться на поддержку людей, которых знаешь многие годы. И служба ваша, по обычаю, будет хорошо оплачена землями и растущим богатством.

– Мы принимаем ваши щедроты, Ваше Величество, – поклонился мужчина в годах, со шрамом на лице от сабельного удара. – И готовы обновить старый альянс с Фальконэ. Пришло время забыть обиды, закрыть счета и начать всё сначала.

– Приятно слышать разумные речи, – демонстрируя довольный вид, проговорил Торн.

– Но нам необходимо прекратить валькарское нашествие на наших земли. Остановить войну с королём Линтоном Руалом.

– Я учту ваши пожелания, – кивнул Торн. – Никто не желает мира больше меня, поверьте. Клянусь сделать всё возможное, чтобы добиться его.

– Даже если валькарийцы потребуют голову вашего брата? – с усмешкой поинтересовался Феранцо Соколь.

– Я сделаю всё, для того, чтобы создать будущее, в котором главенствующую роль на мировой арене станет играть Саркоссор. Могу я надеяться на вашу поддержку, лорды?

– Да, наш король! – склонили они головы.

Гаитэ едва не стошнило от всей этой приторной лжи, которой так и сочились обе стороны.

– Откройте окна. Здесь слишком душно, – велела она слугам, как только закончился совет.

Торн, обессиленный приёмом, потребовал отнести его в постель.

Напоив мужа куриным бульоном и тонизирующим отваром, она присела рядом, с тревогой вглядываясь в его осунувшееся лицо.

Он вдруг усмехнулся своей привычной, кривой улыбкой:

– Это становится нашей семейной традицией. Я болею – ты меня выхаживаешь.

Она улыбнулась в ответ.

– Как ты думаешь, лорды согласятся проголосовать за твою кандидатуру на императорском престоле?

– Надеюсь на это. Имею наглость считать, что отлично впишусь в императорский образ. А уж корона никогда ни на ком не сидела так стильно, как будет смотреться на мне. Разве что мой брат смотрелся бы не хуже? Но я скорее собственноручно отрублю его буйную голову, чем позволю украсить её венцом.

Гаитэ так и не научилась ценить грубые, часто жёсткие, если не сказать, жестокие, шутки мужа.

– Не говори глупостей, Торн. Без помощи Сезара трон тебе не занять. Даже я это понимаю.

– Я, увы, тоже. У него в запасе есть не меньше пятнадцати лордов, которые проголосуют, как он скажет. А у меня – только десять. Да, его помощь и поддержка необходимы. Если, проклятье! – его присутствия не пугало бы меня больше его отсутствия.

– Ты ему не доверяешь?

– А должен?

– Сезар будет действовать в интересах семьи. Он не может, минуя тебя, сесть на трон, а действовать иначе, значит, раскачивать и без того неустойчивую политическую лодку. Если ты не станешь провоцировать вражду, Сезар будет на нашей стороне.

– Ты так говоришь... проклятье, Гаитэ! Ты всё ещё любишь его?! Признайся! Не думай, что я такой дурак, что не вижу и не понимаю, что творится между вами.

– О, духи! Торн, сколько можно? Всё висит на волоске, а ты даже сейчас пытаешься устраивать сцены ревности? В чём ты меня подозреваешь?

– В том, что в душе ты хочешь его. Я знаю. Сезар во многом подходит тебе меня.

– Я твоя жена и ей останусь. Если ты готов сцепиться с братом из-за своих смутных, ничем не оправданных подозрений, нажать себе вместо верного союзника непримиримого врага, боюсь, я не в силах тебе помешать. Но подумай, Торн. Хорошенько подумай, прежде чем совершить подобный шаг. Он будет глупым и опрометчивым.

– Даже так?

– Ты и сам это знаешь. Чтобы стать императором нужно победить свои страсти. Такими были последние слова твоего отца.

– Приплетая сюда имя моего отца ты пытаешься меня утешить и дать понять, что сочувствуешь моей потере? Или любым путём стараешься выгородить моего брата?

Гаитэ посмотрела на мужа почти с ненавистью:

– Ты прав. Я действую в интересах всех, за исключением твоих, милый Торн. Я стараюсь ради моей матери и моего брата, ради твоей сестры и твоего брата. Боюсь, моё присутствие не идёт вам на пользу, любимый муж. Будет лучше покинуть вас.

– Стой, Гаитэ! Я не разрешал тебе уходить.

Но, игнорируя его гневные выкрики, Гаитэ вышла из опочивальни, понимая, что ещё немного, и она, не в силах больше сдерживаться, наговорит ему лишнего.

«Как же я устала, – повторяла она про себя, – как устала. А ведь облегчения моим мукам не предвидится. На самом деле всё только начинается».

Было бы облегчением дожидаться хоть чего-то. Например, прибытия Сезара в столицу. Но Гаитэ, хоть и не поднаторела в дворцовых интригах, была достаточно разумна, чтобы на интуитивном уровне понимать – прибытия второго Фальконэ не разрешит, напротив, лишь сильнее запутает ситуацию. Да и уверенности в том, что Сезар встанет на их сторону, а не начнёт собственную игру, не было.

«Мы в одном шаге от катастрофы, а ведь тело Алонсона ещё даже не предано земле», – не грустить с такими мыслями не получалось.

Но как не скорби, таковы правила игры – одна жизнь заканчивается, другие продолжают и нужно двигаться вперёд. Сейчас не время поддаваться чувствам. Чувства – роскошь; действие – необходимость. Несмотря на печальные, даже трагические события, в управлении государством не должно быть перерывов.

Что у них есть? С каких карт ходить? Сестра, ненавидящая брата; братья, готовые в любой момент вцепиться друг другу в глотки; муж, подозревающий жену и жена, не в состоянии справиться с любовью к человеку, что любить не должна. Ах, да! Есть ещё мать, готовая в любой момент пожертвовать дочерью в угоду высоким амбициям.

Страна на грани развала, а вокруг лишь гиены, жаждущие поживы, и, чтобы исправить положение, нужно всю свою жизнь посвятить этому дворцу, этим людям. А что получишь в ответ? Торн вчера вечером наглядно и ярко продемонстрировал.

Власть! Власть, что ты такое по сути? Правитель либо вурдалак, накачивающийся на жизни поданных, либо раб, запутанный клубком чужих жизней. А может быть, каждый из них и то, и другое.

Гаитэ не готова обладать властью. Она хотела свободы, хотела жить по велению сердца, без страшного груза ответственности. Она хотела бы... но уже давно понятно, что из того, что хочется, не сбывается ничего.

Так что на алтарь власти придётся положить всё – молодость, любовь, способность искренне смеяться и плакать, мечты о счастье. А для того, чтобы сосуществовать с Торном, придётся пожертвовать ещё и гордостью, а возможно, и совестью.

Гаитэ хотелось остаться одной, чтобы выплакаться, но теперь, в одиночестве, слёзы словно скипелились внутри. Глаза оставались сухими, как пески пустынь, ни капли лечебной влаги.

Нужно идти вперёд. Только знать бы правильный путь? За какой звездой идти? В каком направлении?

И почему она должна думать о власти и об ответственности? Большинство её сверстниц грезит лишь о любви. А её жизнь, так или иначе, заставляет всё время брать на себя непосильную ношу. Сначала толпы больных и страждущих, к которым даже лекари в чумных масках боятся подходить, теперь вот – благо государства.

Когда-то она хотела быть идеальной, без малейшего изъяна, нравиться всем. Но живые люди от идеала так далеки, как земля от неба. И чем выше она поднимается, тем больше искушений и грязи, тем меньше света.

В городе за упокой души императора звонили колокола. Под их монотонный печальный гуд Гаитэ вспомнила об Эффидели, о том, что со вчерашнего дня не виделась с рыжей Лисичкой. Она нашла её в часовне, перед алтарём. Подошла тихими шагами и встала рядом на колени.

– Скорбишь по отцу? – тихо спросила Гаитэ, чтобы не разрушать сакральную тишину храма.

Эффи подняла лицо с воспалёнными от слёз глазами и печально поглядела на старшую подругу:

– Как я могу не скорбеть о нём? Это конец, Гаитэ! Конец для всех нас! Если бы отец прожил чуть дольше, может быть... а сейчас мне так страшно! Я не могу не бояться. Что мы сможем сделать, если Торн прикажет убить Сезара?

– Он этого не сделает, – уверенность в голосе Гаитэ вовсе не подкреплялась уверенностью в её сердце.

– Ты не знаешь, что он делает, а чего нет! – вспыхнула Эффи. – Ты даже не можешь быть уверена в том, что теперь, когда отец не довлеет над Торном, он не отошлёт тебя в какой-нибудь дальний монастырь, чтобы вернуть ко двору свою шлюху Азино!

– Эффи! Как ты можешь? Твой брат ещё одной ногой в могиле, трон под ним качается! Думаю, сейчас ему не до шлюх. И кроме того, я нужна ему. Особенно теперь, когда моя мать снова на свободе и вновь плетёт интриги.

– Что?!

– Не знаю, стоит ли упоминать об этом, но я молюсь, чтобы к смерти твоего отца она не была причастна – лишь воспользовалась ею, чтобы сбежать. Нет, дорогая. Торну сейчас не до фавориток. У него пока есть проблемы посерьёзней.

Тело императора готовили к погребению. В тяжёлых алых одеждах его уложили в гроб.

Храмовники распевали свои псалмы:

«Даруйте, добрые духи, вечный покой рабу твоему. И да воссияет душа его над нашими головами новой звездой на небосклоне. Да будет свет её вечным. Его Величество будет всегда жить в наших сердцах и в нашей памяти».

Гаитэ стояла рядом с Эффидель. Лица молодых женщин скрывала густая чёрная вуаль. Было очень душно от большого скопления людей и тысячи горящих свечей, от густого запаха ладана.

Всё это с того дня в сознании Гаитж прочно стало ассоциироваться со слезами – чёрный креп, свечи и ладан.

На хорах затянули песнопение служки. А свечи всё мерцали, как маленькие звёздочки.

Генералы отдали честь, отсалютовав обнажёнными мечами.

Когда гроб забивали гвоздями, Гаитэ даже не сразу поняла, что это за странные звуки. В первый момент подумалось – что это? Внезапно пошёл дождь? И только когда рядом качнулась Эффи и Рокору пришлось поддержать жену под локоть она поняла, что эти звуки на самом деле значат.

«Сезар не успел на похороны отца», – отвлечённо подумала Гаитэ, сжимая в руке вялую ладошку Эффи. – «Он был так предан ему. Какая жалость».

Когда гроб выносили из храма тревожно был в набат колокол. Стройная, длинная вереница придворных и стражников, охраняющий особ королевской крови, высокородных герцогов, потянулась по улицам Жютена.

Торн шёл за гробом. Он ещё недостаточно окреп и Гаитэ, несмотря на недавнюю ссору, тревожилась о нём.

Раздавшийся тревожный барабанный бой резко диссанировал с меланхоличным голосом колокола. Ритмичный стук копыт и тяжёлых шагов походил на звук сердцебиения. И ещё до того, как Сезар показался в конце улице на своём массивном вороном коне, в полном боевом облачении, Гаитэ поняла, что он рядом.

Он тяжело опустился на землю и широкими шагами направился в сторону похоронной процессии. Подойдя к гробу, опустил ладони на знамя с изображением быков, держащих на острых рогах солнце, склонился и поцеловал тяжелую массивную крышку.

Выпрямившись, что-то сказал Торну, понять, что – сложно. Ни единый мускул не дернулся на лице мужа, но Гаитэ сердцем чувствовала, что слова, сказанные Сезаром, не были добросердечными. И всё же, хвала небесам, братьям хватило благоразумия пойти за гробом вместе.

Может быть, это было неправильно, но присутствие Сезара, осознание того, что он рядом, действовало успокаивающе. В присутствии брата мужа Гаитэ чувствовала себя в безопасности хотя, и сама не могла бы дать себе полного отчёта, почему так происходит, ведь и Сезара на её памяти преследовали неудачи. Но само его присутствие делало мир устойчивей.

Гаитэ не ожидала, что он поспешит поздороваться с ней. Она не ждала со стороны Сезара никаких шагов, считая, что то, во многом мимолётное увлечение, что он испытал по отношению к ней, давно осталось в прошлом. Тем более, что молва упрямо приписывала ему отношения с именитой красавицей Николетой Тесла, урождённой Форсева. Одной из представительниц многочисленного рода мятежников, недавно столь жестоко убитых в Тиосе жестокосердным маршалом.

Красавицу это не остановило. Не остановил её ни муж, ни маленький сын, которых она оставила, чтобы отправиться следом за обозом прекрасного, как бог войны, маршала.

Когда до Гаитэ дошли эти слухи, она несколько дней не находила себе места от ярости. Сложно было сказать, на кого она сердилась больше. На вероломного ветреного маршала, так легко забывшего о ней? Или на себя, что не смогла, подобно прекрасной тиоской красавице, презреть всё, и отважно следовать зову собственного сердца.

В итоге Гаитэ успокоилась. Было бы гораздо печальней проявить храбрость и оказаться преданной.

Хотя, поостыв, она пришла к выводу, что глупо ждать верности от мужчины, которого ты отвергла. К чему ему проявлять преданность? К сожжённым руинам того, что никогда не было домом?

Обида прошла в след за злостью, оставив по себе грусть.

Теперь, наблюдая за Сезаром со стороны, Гаитэ нашла, что он возмужал, похудел и стал ещё больше походить на полудикого леопарда.

Она никак не ожидала, что Сезар поспешит подойти:

– Гаитэ, – выдохнул он, приближаясь. – Безумно рад тебя видеть! Я скучал. – Чёрные глаза грустно смотрели на неё из-под густых ресниц. – Позволь поблагодарить тебя.

– За что?

– За то, что почти голыми руками остановила толпу. За то, то известила о смерти отца. Если бы не ты, на его похороны я бы не попал, а для меня важно было проститься.

– Не благодари, – покачала головой Гаитэ. – Тебе делать это не за что. Прости, что не смогла спасти Алонсона.

– Ты выбрала Торна, – понимающе кивнул Сезар. – Как верная жена.

Улыбка сошла с его лица, и оно стало суровым и жёстким, превращаясь в грозный лик воина, что, не задумываясь, лишал людей жизни.

– Я найду того, кто это сделал. И заставлю ответить. Кто бы он не был.

Гаитэ заметила, как тревожно оборачивается в их сторону Торн и поспешила поставить точку в короткой встрече, несмотря на желание побыть с Сезаром ещё немного.

– Рада видеть тебя, Сезар. В такие тяжелые времена, как это, семья должна быть вместе. А сейчас иди к сестре. Эффидель нужна поддержка.

По лицу Сезара тенью скользнула досада, но он беспрекословно подчинился.

Глава 6

Гаитэ понимала, что рано или поздно Торну и Сезару придётся столкнуться, один на один, без свидетелей. Она страшилась этого момента. Пока некоторые слова не сказаны, некоторые поступки не совершены, ещё можно надеяться на лучшее. Потом – уже нет.

– Что сказал тебе при встрече Сезар? – не утерпев, поинтересовался Торн у жены.

– Поблагодарил за то, что я известила его о смерти отца.

– И больше ничего не сказал? – усмехнулся муж, лихорадочно блестя глазами. – Впрочем, можешь не отвечать. Правды ведь я всё равно от тебя не услышу, – добавил он с налётом пренебрежения.

Потом повертелся у зеркала, раскинув руки в стороны:

– Скажи, оружие видно?

– Какое оружие? – не поняла Гаитэ.

– Если спрашиваешь, значит – не видно. Отлично! Ну, что, любимая моя жёнушка? Готова к семейному ужину? Пришла пора обсудить будущее в тесном семейном кругу. Ничего не хочешь мне посоветовать? Ты ведь это любишь?

– Нет. К чему, раз ты всё равно не намерен ничего слушать?

– Я тебя выслушаю, а уж решение приму сам. Хотя тут, скорее всего, мы придём к соглашению. Я, как и ты, считаю, что с Сезаром нужно помириться. Он нам нужен.

– Так ему и скажешь? – поинтересовалась Гаитэ с иронией.

– Конечно, нет, – радужно улыбнулся Торн в ответ. – Идём, дорогая. Ужин стынет.

Опираясь на его руку, Гаитэ спустилась вниз, к покоям, которые раньше принадлежали лично Алонсону.

– Мы желаем поужинать в узком семейном кругу, – проговорил Торн, обращаясь к стражникам. – Никого не пускать.

Комната ярко освещалась. Казалось, огни были повсюду, как на большом празднестве. Канделябры на столах, стенах, на полу. Блики свечей отражались в многочисленных зеркалах, увеличивающих размеры помещения почти до бесконечности.

Чёрный цвет никогда не шёл Гаитэ. Чёрные траурные одеяния делали её похожей на высохшую мумию. Она словно тонула в фижмах, чёрном чепце и траурной вуали.

За дверью раздался шум.

– Что там такое? А! Это кажется, Сезар? – неприятно засмеялся Торн. – И судя по голосу, чем-то ужасно недоволен? Стража! В чём дело?

Дверь распахнулась. Один из громил, державших алебарду, отрапортовал:

– Ваш брат желает войти, невзирая на ваш приказ, Ваше Величество.

– Как это понимать, Торн?! – пророкотал Сезар. – Сначала ты приглашаешь меня, а потом не велишь пускать?!

– Это стоит понимать так, что нам прислуживают идиоты, брат. И охраняют – тоже. Когда я говорю: «никого не пускать, потому что мы ужинаем в тесном семейном кругу, моего брата, принца Саркаросса и первого маршала это, конечно же, не касается, олухи! Дорогу Его Высочеству!»

Пики в мгновение ока разошлись в стороны, и Сезар получил возможность войти.

– Мою сестру тоже пропустить незамедлительно. И её мужа не велю оставлять за порогом. Вам это понятно?

Стража прищёлкнула шпорами и опустила алебарды, скрещивая древки, словно отрезая путь к отступлению всякому, кто решился бы пойти на попятный.

Судя по тому, как обернулся Сезар, как настороженно, словно у рыси, примеряющейся к прыжку, блеснули его глаза, та же мысль, о невозможности отступления, пришла в голову и ему.

– Теперь я уже Высочество, брат? Меня повысили в ранге?

– Увы! Но, как только я стану Величеством, ты превратишься в Высочество. И прибудешь им ровно до тех пор, пока Гаитэ не подарит мне наследника. Что, смею надеяться, случится очень скоро.

– Значит, кроме тебя, меня и Гаитэ никого больше не будет?

– Я послал приглашение Эффи. Возможно, она придёт. Но, откровенно говоря, не удивлюсь, если откажется. Сестрёнка устала и нуждается в отдыхе. А политические разговоры, сам знаешь, никогда не были ей по нраву.

– Не припомню такого, – небрежно пожал плечами Сезар. – Эффи с детских лет проявляла смекалку и интерес ко всему.

– Я же сказал, что пригласил её. Не хочешь же ты, чтобы я приволок её силой? Что поделывать, брат мой? События последних дней столь печальны, что выбивают почву из-под ног. Но нас ждут великие дела. Признаться, мне стоит некоторых усилий вкушать эти яства. Слишком свежи воспоминания о яде, о предательстве. Но нельзя ведь прожить всю жизнь в страхе? Мы мужчины. А мужчина должен уметь обуздать свой страх.

– Весьма мудрое наблюдение, – хмыкнул Сезар. – Стоило твоему заду сесть на отцовский стул, часть его мудрости переместилась тебе в голову?

Торн неприятно улыбнулся:

– Прошу к столу, брат. Но прежде, как верный вассал, засвидетельствуй своё почтение сюзерену.

С этими словами Торн поднял руку. На безымянном пальце алой звездой сверкнул императорский перстень.

Гаитэ понимала, что этот момент может состояться. Или, наоборот, не состояться. Стоит Сезару проявить непочтительность, отказаться, как Торн, не задумываясь, велит бросить брата в темницу. Польза его, как союзника, была сомнительной, а вот неприятностей от него, вздумай Сезар стать врагом, сомнениям не подлежат.

Торн не станет колебаться.

«Пожалуйста! – взмолилась про себя Гаитэ, не сводя глаз с каменного лица Сезара. – Пожалуйста, смири свою гордыню – покорись!».

Сезар смерил брата взглядом:

– Вижу, ты успел уже произвести себя в императоры, брат? – с нарочитой ленцой в голосе проговорил он, растягивая слова. – Или совет пэров уже состоялся, проголосовав за твою кандидатуру?

– Ты не хуже меня знаешь, что голосование лишь формальность. Я старший сын и власть перейдёт ко мне. Вопрос в том, брат, со мной ли ты? Или против меня?

Пауза, повисшая после этого, была настолько наполнена грозowymi эмоциями, что создавалось ощущение – ещё немного и воздух можно будет разрезать ножом.

Потом Сезар демонстративно приблизился и склонился на протянутой рукой Торна. Но, как ни странно, этот его жест, выражающий покорность, не то что не рассеял – словно бы сделал атмосферу ещё тягостней.

Торну ничего другого не оставалось, как изобразить удовольствие.

– Прошу к столу, брат, – проговорил он, поспешив усесться первым, как будто и здесь играя на опережения, продолжая негласное соревнование. – Если честно, будь моя воля, я бы, наверное, даже спал бы на троне, – деланно засмеялся он.

Сезар ничего не ответил.

Поколебавшись мгновение, явно пересиливая самого себя, Торн протянул руку к бокалу с вином:

– Выпьем за покойного отца? Он был хорошим королём и прекрасным человеком, – провозгласил он. – Мир его праху и мир его душе!

Вскинув бокалы, братья осушили бокалы.

– Есть время скорбеть и время утешиться, – добавил Торн, поставив опустевший бокал на край стола. Мы похороним прошлое в жирной земле будущего. Близится наше время, брат. Твоё и моё. Пусть для нас оно будет, как и хотел отец, совместным. Я, как старший брат, стану правой рукой, а ты – левой. Мы должны совместно справиться с нашими вероломными врагами. Доложи, какова обстановка в Тиосе?

– Сам как думаешь? Я был вынужден выдвинуться в Жютен, передав командование армией генералу Корнезо. Валькарийцы, к моему великому сожалению, не планируют прекращать нападение. А теперь, насколько я понял, нам следует ожидать возобновление союза между Валькарой и Рэйвом? – стрельнул Сезар быстрым взглядом в сторону Гаитэ и тут же отвёл его.

– Боюсь, что так, – задумчиво кивнул Торн. – Думаешь, лучший способ прекратить продвижения валькарийцев вглубь страны – дать немедленный бой? Но, чтобы повести гвардию, нужны деньги. Я потребовал доложить королевским казначеям о состоянии финансов. Увы, судя по последнему разговору с отцом, сундуки почти пусты.

– Разве нет способов заработать?

– Для этого потребуется время. Враг же уже, практически, у ворот?

– И что же ты мне предлагаешь?

– Тебе придётся управляться лишь с теми войсками, что сейчас в твоём распоряжении, Сезар.

– Этого мало, – нервно потёр ладонь о ладонь Сезар. – С теми силами, что есть сейчас, я не могу гарантировать оборону Саркассора.

– Иными словами, твоя военная компания против Валькары обречена на провал? Тогда нам следует заранее подумать о контрибуции. Чем мы можем откупиться от Линтона, а, Сезар? Тиос, однозначно, не вариант. Выход к морю нужен нам самим. Может быть, бесполезный мужёк Эффи хоть на что-то сгодится? – засмеялся Торн.

– Сомневаюсь, чтобы Руал согласился взять его хоть в каком-нибудь качестве, – ухмыльнулся в ответ Сезар. – Нам нужно искать союзников, брат.

– Где?

– Рэйв прекрасно подошёл.

– Да, с этим не поспоришь. Увы! Не исключено, что именно моя драгоценная прекрасная тёща отправила нашего отца в могилу! Ты предлагаешь об этом забыть?! Даже если бы я согласился, сомневаюсь, что Рэйвдэлы сделают то же самое.

– Почему нет? Нужно пообещать Тигрице что-то, что будет ей по вкусу. Нечто, от чего она не найдёт в себе силы отказаться.

– Ей по вкусу только власть. У дамы непомерные аппетиты.

– А её дочь вот-вот станет королевой Саркассора. Торн! Нам нужны войска Рэйва.

– Но Торн прав! – не выдержав, встряла в разговор Гаитэ. – Моя мать не вариант. Она наш враг. И ждать он неё чего-то, кроме неприятностей, наивно.

– Нам необходима лояльность Рэйва, – настаивал Сезар. – Любой ценой. Хотя бы на время. Одни, против всех разом, мы не выстоим. Никто не выстоит. Если с Рэйвом не объединимся мы, с ним вступит в союз Валькара.

– И что ты предлагаешь? На какой крючок нам ловить упрямую рыбку? – хмыкнул Торн. – Может быть, воспользуемся твоим непревзойдённым мужским обаянием, а, брат? Один раз это сработало. Вдруг сработает снова? – засмеялся Торн, заметив, как передёрнуло обоих его

собеседников. – Ладно, я всего лишь пошутил. Есть ещё идеи, как умаслить развоевавшегося соседа?

– Может быть, предложив ему сундуки с золотом, купить мир?

– Было бы отлично. Но, как я сказал, золота у нас нет. А пустым сундуком мира не купишь. Разве что, пообещав, не отдавать? Но это уж как-то совсем некрасиво получается, да? – вновь с издёвкой засмеялся Торн. – А главное, Рулан вернётся разгневанный, а гарантий, что к тому времени у нас дела станут обстоять лучше, чем теперь, нет. Есть другая идея.

– Какая?

– Как только взойду на престол, стану вести переговоры. Будем тянуть время и обещать то, что выполнять не собираемся. По крайней мере, для осуществления этой идеи не придётся потрошить казну. Нужно лишь понять, чего хочет Руал?

– Всего, – коротко ответил Сезар. – И, по возможности, сразу. Можешь поверить моему опыту, переговорами ты его не остановишь.

– Тогда хотя бы задержу. А тебе тем временем придётся придумать, каким образом нейтрализовать угрозу. Будем пытаться заключать союзы и договоры как с Рэйвом, так и с Валькарой, а там посмотрим, что получится.

– И когда ты только успел стать таким дипломатом? – сузил глаза Сезар.

Торн в ответ снова рассмеялся.

– Я далеко не так глуп, как некоторые привыкли считать и как некоторым хотелось бы думать. Я прекрасно понимаю, что Рулан хочет захватить часть юга и выжать нас с моря. Было бы приятнее вести переговоры, опираясь на силу, но сейчас у нас таковой нет. Значит, будем блефовать и хитрить, но... нам нужно будет выложить нарядный фасад. Пусть, если настоящей силы не будет, будет хотя бы её видимость. Эту часть работы я поручаю именно тебе, Сезар. Мы никому не можем позволить окружить нас смертельным кольцом.

– Но как вы планируете это сделать? – не удержалась Гаитэ от вопроса. – Это же невозможно!

Она сразу сникла под строгим взглядом мужа.

Во взгляде его сквозило недовольство:

– Любовь моя! Я всего лишь хотел оказать вам уважение, но понимаю, наши скучные разговоры, скорее всего, вас утомили?

– Вовсе нет!

– Советую забыть о том, что вы дочь своей матери и не забывать о том, что вы моя жена, Гаитэ. Ни министр, ни советник – жена! И в ваши обязанности не входят оценки моих действий. А вот подарить мне наследника ваш прямой долг.

Сезар метнул в сторону брата едкий, колючий взгляд. Было видно, что он едва сдерживается, чтобы не вмешаться в эту семейную перепалку. Но всё же воспитание взяло вверх, он сдержался.

– Совсем не обязательно было снова унижать меня, Торн, – не скрывая обиды, ответила она. – Ладно, великие принцы, не стану досаждать вам своим присутствием. К чему выслушивать многозначительные речи, раз понять в них я всё равно ничего не могу? Доброго вечера.

– У моей жены в последнее время появилась крайне дурная привычка, – откинулся Торна на спинку стула и глядя на Гаитэ сквозь прищуренные ресницы. – Она всё время срывается с места и обиженная, убегает. Ладно, беги, моя милая лань. Сегодня вечером обещаю догнать тебя и засвидетельствовать своё почтение. Супружеский долг превыше всего, не так ли?

Гаитэ с трудом подавила желание его придурить.

Ну почему порой с людьми так сложно? Почему почти невыносимо их терпеть?

Любые слова после такого вступления казались лишними. Гаитэ поднялась и, отдав дань уважения, не мужу, а будущему императору, направилась к выходу.

Девушки помогали ей готовиться ко сну. Торна Гаитэ не ждала, но он счёл сегодняшний визит вполне уместным. И явно был настроен на выполнение супружеского долга, судя по тому, что на нём кроме тяжёлого алого бархатного халата ничего не было.

Скривил губы в ставшей уже привычной усмешке, в которой в равных пропорциях смешивалось мальчишеское лукавство и коварное ехидство, он промурлыкал, как кот:

– Вижу, дорогая моя жёнушка, вы не ждали, что я решу выразить сегодня моё глубочайшее почтение и любовь? – обнял он её за плечи.

Гаитэ мягко, но решительно уклонилась:

– Признаться – нет. Я полагала, события последних дней вызовут в вас желание провести дни в смирении и в молитве.

– Ты правда так думала? – сощурился Торн. – Ай-яй-яй, Гаитэ моя! Ты становишься лицемеркой. Впрочем, – подошёл Торн ближе и, обойдя Гаитэ, обнял её со спины, прижал к себе с силой, так, что вырваться уже не было возможности.

Играя её локоном и лаская пальцами шею, насмешливо зашептал:

– Все монашки заядлые лицемерки.

Его пальцы умело расстёгивали ряд мелких пуговиц на воротке ночной рубашки. Губы нашли чувствительную впадину на шее, легко дразня кожу лёгкими укусами.

– Гаитэ! – выдохнул он, осторожно спуская ткань с округлых плеч.

Гаитэ, не удержавшись, передёрнула ими – слишком контрастными были горячие мужские губы и овевающий кожу прохладный сквозняк.

– Я знаю, ты считаешь любовь в такое время не совсем уместной, но не отказывай мне, прошу, – шептал он неистово. – Ты нужна мне. Сейчас! Нужна, как никогда. Будь со мной. Скажи – да! Мы слишком много времени уделяем политике, вражде, ненависти. Так мало остаётся на жизнь, на любовь. Так мало нас. Тебя и меня.

Гаитэ выскользнула из его рук, оправляя одежду. Его нежность – она словно сдирала с неё кожу.

– Как ты там можешь?!

Он удивлённо смотрел на неё:

– Как?.. Могу – что?

– Ты унижаешь меня, обвиняешь, подозреваешь – а потом приходишь и осыпаешь ласками? Кто я для тебя, Торн? Наложница? Шанс выиграть в противостоянии с врагами? Разменная монета?

– Ты – моя жена! Единственная женщина, которую я люблю. Единственная свеча в беспросветной тьме. Если ты погаснешь, ничего не останется, кроме угара и чада. Я отчаянно боюсь утратить твой лёгкий, неясный свет. И ещё сильнее меня страшит возможность однажды узнать, что ты – всего лишь мираж, фантазия, что на самом деле в этой мгле не встретить близкой души. Несчастных на земле больше других, но, когда я обнимаю твои плечи, целую твои губы, вижу отблеск твоей души в прекрасных ясных глазах, я, несмотря на все печали этого мира, счастлив. Ты мой небесный лучик, пролитый на грешный мир. Путеводная нить в запутанном лабиринте жизни. И я отчаянно боюсь утратить это.

Слова Торна бальзамом лились в душу, им так хотелось верить. Его руки, протянутые к ней, притягивали, манили утешиться на его груди, раствориться в тепле, в чуть горьковатом, знакомом запахе.

Любовь – родная сестра печали. Истинная любовь куда ближе к слезам, чем к радостному смеху потому что нельзя не бояться потерять, того, кого любишь. Страх потерять любимых ранит сердце.

В случае с Торном Гаитэ почти всё время боялась разочароваться в нём. Он всегда ходил по той грани, за которой просто проступок может стать чем-то большим, непростительным,

разрывающим связи, вымораживающим. И то, что рано или поздно, Торн эту черту перейдёт, Гаитэ чувствовала интуитивно.

Стоит ли позволять себе любить, зная, что всему придёт конец?

Правильно ли отказываться от любви из страха?

Вот парадокс, без любви не бывает счастья – ты словно живёшь в сером сне без красок. А когда любишь, мир ярк и светел, но душа то и дело режется об острые края, исходя слезами. Может быть, потому большинство людей и предпочитают вместо настоящего чувства некий суррогат из полу-дружбы-полу-страсти, которая вроде бы как не совсем всерьёз?

Когда губы Торна встретились с губами Гаитэ, её руки обвили его шею. Его пальцы впились ей в плечи, словно он всё ещё боялся, что она станет его отталкивать.

Но бежать было некуда. От себя всё равно не скроешься. Как и от судьбы ещё никому не уйти.

Несмотря на все ссоры, на горе и неопределённость последних дней, губы Торна оставались по-прежнему сладкими, по-прежнему желанными. И Гаитэ уступала его несравненному аромату, теплу и твёрдости. Правил этого притяжения ничто не отменяло.

Она медленно погружалась в гамму уже хорошо знакомых, но от этого не менее острых, приятных ощущений. Он так крепко прижимал её к себе, что его желание обладать ею стало очевидным и кружило голову, как дорогое вино.

Ночная сорочка быстро уступила напору неутомимых пальцев. Упругие, мягкие холмики груди Гаитэ были встречены искусными в любовных ласках пальцами и губами Торна. Откинув голову, полузакрыв глаза, Гаитэ оказалась не в силах сдержать стон.

Вцепившись в воротник его жёсткого бархатного халата, она скользила рукой по его гладкой груди, поджарому и плоскому животу, потом ещё ниже, пока пальцы не коснулись члена, жарко пульсирующего под ладонью.

От её прикосновений Торн задохнулся, тихо роняя:

– Гаитэ...

И когда он овладел ею, Гаитэ задрожала всем телом от взрыва удовольствия.

Она инстинктивно приподнималась ему навстречу, когда он со стоном входил, вонзался в неё, быстро, порывисто и глубоко.

Их губы слились так же, как слились тела, целовавывая глухие стоны страсти, разделяя их и тем самым умножая.

Каждый дюйм её тела пылал под его пальцами, горя от наслаждения. Задыхаясь от страсти, они вместе взлетели на вершину блаженства.

А потом лежали рядом, вдвоём, в полутьме. Их тела блестели от испарины.

Но сквозь угли прогоревшей страсти вновь пробивались былые сомнения и страхи.

Глава 7

Сложно быть женщиной, стоящей в шаге от власти.

Гаитэ не терпелось узнать, чем всё закончится, хотелось присутствовать на этих бесконечных «мудрых» собраниях, где мужчины за множеством витиеватых и долгих фраз прятали простые, часто довольно эгоистичные намерения. Они будто нарочно шли к простой цели окружным путём вместо того, чтобы пройти короткой дорогой.

Но женщинам быть на собраниях, где мужчины играют во власть, не позволялось. И это правильно. Проще всего сохранять веру в то, чего доподлинно не знаешь. Мол, спи спокойно, прелестная дурочка, отважные мужи справятся со всеми неприятностями – твой дом не сгорит, корова не сдохнет, дети останутся накормлены-напоены, чума в город не придёт. Как приятно почивать на подобных фантазиях, да чаще всего бывает так, что стоит позволить себе расслабиться, как дом пропит, корова сдохла не кормленная, дети сбежали из дома, чума повсюду.

Но в данной ситуации у Гаитэ не было возможности влиять на ситуацию, делая хоть что-то. Оставалось только ждать. И это самое трудное.

Она больше не пыталась давать мужу советы. Торн недвусмысленно дал понять, что её место в спальне да за прялкой и, если она хочет мира в собственной семье, следует чётко придерживаться проведённых им границ. Не следовало даже думать о том, чтобы попасть на собрание пэров, утверждающих кандидатуру императора.

Гаитэ не оставляла тревога, причём за обоих братьев разом. Она больше не мучилась моральной дилеммой, как быть и что делать с противоречивыми чувствами, терзающими сердце. Её куда сильнее волновало то, что один из братьев в предстоящем противостоянии может вообще не выжить.

Она всем сердцем желала, чтобы Торн стал императором. Как иначе? И почти не сомневалась в исходе голосования. Всё же будущее не могло не тревожить. Оно было неустойчивым, смутным, неясным, как день в туманную осень.

В городе до окончания выборов было беспокойно и сердце ныло от тревоги, так что приезд Эффидель стал отличным поводом развеяться.

– Как я рада тебя видеть! – искренне обняла Гаитэ младшую сестрёнку мужа.

Эффи выглядела встревоженной:

– Решила нанести тебе визит. Ждать новостей приятнее вместе. Ты в курсе, сколько брату пришлось заплатить за голоса?

– Торн не считает нужным делиться со мной такими подробностями.

– Так нужно было спросить Сезара! Уверена, он охотно прояснил бы тебе ситуацию, посвятив во все аспекты политических игр, – тонко улыбнулась Лисичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.